

Юрий Прокопенко

Русские в Кабуле

Кабул — 84

Юрий Прокопенко
Русские в Кабуле

«Издательские решения»

Прокопенко Ю. И.

Русские в Кабуле / Ю. И. Прокопенко — «Издательские решения»,

В те памятные годы, когда в Афганистане шла гражданская война с участием советских войск, в Кабуле жили и работали наши гражданские специалисты. Они помогали молодой республике строить новое гражданское общество, преодолевать многовековую отсталость. Среди них был и наш герой — доктор Белецкий. Особенности и трудности быта в далекой восточной стране, любовные истории и чувственные переживания, страхи при ракетных обстрелах и землетрясениях — все это можно встретить в предлагаемой повести.

© Прокопенко Ю. И.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Прилет	8
Глава 2. Представление	13
Глава 3. Первомай	21
Глава 4. Весенние настроения	26
Глава 5. Первые страхи и развлечения	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Русские в Кабуле

Кабул – 84

Юрий Прокопенко

*Николай не выполнил волю своего отца, Александра Третьего,
который наказывал сыну **не втягивать Россию ни в какие войны.**
Алексей Косенко*

© Юрий Прокопенко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

На заседании Политбюро 12 декабря 1979 года было принято решение о вводе войск в Афганистан. Единственным членом Политбюро, не поддержавшим решение об отправке советских войск в Афганистан, был А.Н.Косыгин и с этого момента у него произошёл полный разрыв с Брежневым и его окружением. Начальник Генштаба Николай Огарков также активно выступал против ввода войск.

Вечером 27 декабря советские спецподразделения взяли штурмом дворец Амина, операция продолжалась 40 минут, во время штурма Амин был убит. Помимо основного объекта были блокированы и взяты под контроль воинские части кабульского гарнизона, радио-телецентр, министерства безопасности и внутренних дел, тем самым обеспечив спецподразделениям выполнение их задачи.

Так началась Афганская война (1979—1989) – военный конфликт на территории Демократической республики Афганистан. В военном конфликте участвовали правительственные силы Афганистана и Ограниченный континент советских войск, с одной стороны, и многочисленные вооружённые формирования афганских моджахедов («душманов»), с другой стороны. Они пользовались политической, финансовой, материальной и военной поддержкой ведущих государств НАТО и консервативного исламского мира.

Термин «Афганская война» тогда подразумевал традиционное для советской и постсоветской литературы и СМИ обозначение для периода военного участия Советского Союза в вооружённом конфликте в Афганистане. В западной литературе часто используется выражение «советское вторжение». Созванный вскоре Совет Безопасности ООН на своём заседании не принял антисоветскую резолюцию, подготовленную США, СССР наложил вето; его поддержали пять государств-членов Совета. СССР мотивировал свои действия тем, что советский воинский контингент был введён по просьбе правительства Афганистана и согласно Договору о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 года.

Этому предшествовали следующие события в Афганистане.

В 1973 году, во время визита короля Афганистана Захир-Шаха в Италию, в стране произошёл государственный переворот. Власть была захвачена родственником Захир-Шаха Мухаммедом Даудом, провозгласившим первую республику в Афганистане.

Дауд установил авторитарную диктатуру и попытался провести реформы, но большинство из них завершились провалом. В то время в Афганистане господствовали законы, характерные для эпохи родоплеменной общины и феодализма. Первый республиканский период истории Афганистана характеризовался сильной политической нестабильностью, соперничеством между прокоммунистическими и исламистскими группировками. Исламисты подняли несколько восстаний, но все они были подавлены правительственными войсками.

27 апреля 1978 года в Афганистане началась Апрельская (Саурская) революция, в результате чего к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), провозгласившая страну Демократической Республикой Афганистан (ДРА).

Попытки руководства страны провести новые реформы, которые позволили бы преодолеть отставание Афганистана, натолкнулись на сопротивление исламской оппозиции.

Дальнейшее развитие ситуации в Афганистане – вооружённые выступления исламской оппозиции, мятежи в армии, внутрипартийная борьба. В сентябре 1979 года лидер НДПА Тараки был арестован и затем убит по приказу отстранившего его от власти Хафизуллы Амина. Это вызвало серьёзное беспокойство у советского руководства. Оно настороженно следило за деятельностью Амина во главе Афганистана, зная его амбиции и жестокость в борьбе за достижение личных целей. При Амине в стране развернулся террор не только против исламистов, но и против членов НДПА, бывших сторонниками Тараки. Репрессии коснулись

и армии, главной опоры НДПА, что привело к падению её и без того низкого морального боевого духа, вызвало массовое дезертирство и мятежи. Советское руководство боялось, что дальнейшее обострение ситуации в Афганистане приведёт к падению режима НДПА и приходу к власти враждебных СССР сил. Более того, по линии КГБ поступала информация о связях Амина с ЦРУ и о тайных контактах его эмиссаров с американскими официальными представителями после убийства Тараки. В итоге было решено готовить свержение Амина и замену его более лояльным лидером. В качестве такового рассматривался Бабрак Кармаль, чью кандидатуру поддерживал председатель КГБ Ю.В. Андропов.

Помимо участия в гражданской войне советских войск, активно развивался процесс построения демократического общества в республике Афганистан. Причем построение этого общества, по мнению руководства СССР, должно было происходить по образу и подобию государственного устройства в самом Союзе. Это касалось всех ветвей государственной власти в республике и гражданского общества в целом. Здравоохранение и медицина также были всецело вовлечены в этот процесс.

Полноправными представителями Советского Союза в этом процессе были многочисленные отряды гражданских специалистов, наводнивших Афганскую столицу и некоторые другие города. Являясь носителями Советской идеологии, они своим активным присутствием способствовали проникновению идей социализма во все сферы жизни государства и общества. При этом, конечно, наши специалисты оказывали реальную практическую помощь зарождавшейся афганской интеллигенции. Так, параллельно с военным присутствием в Афганистане осуществлялось гражданское участие советских людей в построении Демократической Республики Афганистан.

А в это время в самом Союзе развивались процессы, повлиявшие в последующем на судьбу государства. «По России мчится тройка: Мишка, Райка, перестройка» – так советский народ в этой лихой присказке охарактеризовал начавшиеся перемены. Им предшествовали пышные похороны Генерального секретаря КПСС Л. Брежнева и его приемников Ю. Андропова и К. Черненко. Менялись правители, с приходом к власти М. Горбачева появились некоторые «перестроечные» изменения в самой жизни страны, но война в Афганистане продолжалась. Продолжалось и даже наращивалось присутствие в стране гражданских специалистов. Однажды запущенный многопудовый моховик этого исторического процесса не мог сразу остановиться. Он вовлекал в себя все новых и новых людей.

Среди них оказался и доктор Белецкий Иван. Уже во время афганской войны с участием советских войск он защитил докторскую диссертацию. Ему тогда было тридцать восемь лет. Такое не часто случалось в отечественной медицине и это окрыляло Ивана. В его амбициозные планы входило устроить долгосрочную командировку в Женеву, где располагалась штаб-квартира Всемирной Организации Здравоохранения, постоянным экспертом которой он являлся уже несколько лет. Но не суждено было случиться задуманному. На его пути оказались сильные оппоненты, обладавшие тогда реальной властью. Не суждено ему было получить должность заместителя директора института, в котором он начал свою научную карьеру с аспирантуры. Наконец, он лишился поддержки директора, с которым ранее у него был хороший творческий контакт, реализовавшийся в ряде серьезных научных публикациях. И на этом печальном фоне Ивану поступило предложение уехать в долгосрочную командировку в Афганистан. Получив согласие жены, он решается на этот серьезный и небезопасный шаг, ведь в Кабуле было военное положение. И вот настал момент, когда все мосты были сожжены и Иван Белецкий проходил таможенный досмотр в международном аэропорту Шереметьево. Впереди его ждал Кабул.

Глава 1. Прилет

В сером предрассветном небе над высокими острыми хребтами Гиндукуша летел пассажирский авиалайнер рейсом «Москва – Ташкент – Кабул». Это был регулярный рейс, совершаемый каждую неделю. В салоне самолета располагались преимущественно русские гражданские специалисты различного профиля и их жены. Большинство из них были направлены в долгосрочную командировку в Кабул или возвращались из очередного отпуска в Союз, отработав первый или второй год. Самолет совершал промежуточную посадку в Ташкенте, где пассажиров и ручную кладь еще раз после аэропорта Шереметьево подвергали таможенному досмотру, отмечали таможенные декларации и через некоторое время отпускали на посадку. Это были ночные часы. Пассажиры были сонные, а потому и вялые, в основном безразличные к происходящему. Преимущественно это относилось к тем, кто возвращался в Кабул из отпусков. Для них это все было знакомо и потому не вызывало никакого интереса. Многие из них мечтали скорее опуститься в свои кресла и продолжить полет. Те, кто летел этим рейсом впервые, обладали небольшой толикой любопытства, ожидая, чем все это кончится. Мало кто из них в действительности хотел спать. И сейчас в полусонном салоне некоторые поглядывали в иллюминаторы, тихо переговаривались между собой. Среди них летел и Иван Белецкий. Он с любопытством наблюдал за горными вершинами, медленно проплывавшими под крылом самолета. Серые, угрюмые и неприветливые, они таили в себе опасность или угрозу. Скорее всего, где-то там среди этих вершин притаились «душманы», вооруженные современными зенитными ракетами «Стингер», полученными от американцев. Не исключено, что кто-то из них уже взял на прицел пролетающий над ними авиалайнер.

– Как ты думаешь, Юрий, могут там, в горах сидеть «душманы» и наблюдать за нами? – спросил Иван своего нового друга, летевшего в Кабул вместе со своей женой Валентиной. Он так же, как и Иван, был командирован в Афганистан, на помощь местному здравоохранению.

– Ты что-нибудь там видишь? Ведь еще совсем темно.

– Да нет, – возразил Иван, – если хорошенько присмотреться, то можно увидеть всякие детали на горных отрогах, например, какие-то постройки, извилистую дорогу.

– Где, покажи? – спросила Валентина, прикоснувшись своей грудью к руке Ивана. Она сидела на среднем сиденье и чтобы посмотреть в иллюминатор, непременно нужно было сделать именно так. Иван почувствовал этот смелый жест Валентины, но не стал менять своей позиции.

– Где постройки и дорога, покажи? – еще раз спросила Валентина, с настойчивостью облокотившись на плечо Ивана.

Они познакомились лишь накануне отъезда из Москвы. Все время, что Юрий готовился к командировке, он был в Москве, а Валентина приехала лишь за три дня до их отлета в Кабул. Эта семья постоянно проживала в Туапсе, небольшом курортном городке на берегу Черного моря. Юрий там работал главным врачом санэпидстанции, а его жена обычным продавцом в портовом магазинчике. И вот какими-то судьбами жребий выбрал их на долгосрочную командировку в Кабул. Справедливости ради, надо сказать, что Валентина была моложе своего супруга лет на пятнадцать и выглядела весьма симпатичной и привлекательной. С первых минут их знакомства с Иваном она с явным интересом и без застенчивости поглядывала на него, расспрашивала о том, как это он в такие молодые годы успел стать доктором наук.

Горные хребты постепенно стали уплывать влево, оставаясь за крылом самолета, картинка в иллюминаторе сменилась, небо стало светлее и вскоре из-за дальних вершин показалось солнце. Ярко красное и большое, оно осветило небо, цвет которого настойчиво менялся от темно-серого к синему и голубому. В салоне также заметно посветлело. И когда косые утренние лучи стали насквозь просвечивать салон самолета, многие пассажиры зашевелились

в своих креслах, стали потягиваться и проявлять активность. Предчувствуя скорый прилет, некоторые из них пошли в туалетную комнату. Там, конечно, образовалась очередь. Возвращались с влажными волосами, причесанными, затем долго ковырялись в своих дорожных сумках, перебирая и вновь укладывая вещи и туалетные принадлежности.

– Валентина, ты не хочешь умыться? – спросил Юрий свою супругу. – Если пойдешь, то давай, там как раз сейчас свободно.

Юрий уступил проход Валентине, и та юркнула в образовавшееся пространство. Иван посмотрел ей вслед, отметив, что у нее хорошая фигурка. Но это было лишь мимолетное отвлечение от текущих событий и того предстоящего, что ожидало их в Кабуле.

Вскоре горные хребты расступились. Лишь где-то вдалеке отсвечивали снежным покровом вершины гор. Самолет шел на посадку. Пристегнули ремни, и стали ждать. Момент посадки всегда считался самым ответственным в течение всего полета, ведь недаром среди англичан бытует пожелание «мягкой посадки». И сейчас Иван прошептал это на английском языке.

– Что вы шепчете, молитву? – спросила Валентина, повернувшись лицом к Ивану.

– «Soft landing», что означает «мягкая посадка».

– А-а, с улыбкой протянула Валентина, надо запомнить.

– Ты мужа слушай. Я тоже кое-что знаю по-английски, – предложил Юрий жене.

Нагруженный пассажирами и их багажом самолет тяжело стукнулся о землю и покатил по полосе. Слева оставались холмы и мелкие каменистые горы. Здание аэропорта было по правую сторону, и Иван увидел его лишь тогда, когда самолет замедлил бег и развернулся в обратном направлении. На площади перед зданием было много вооруженных людей в серой солдатской униформе с автоматами «калашникова» в руках. Встречались и офицеры с погонами и кокардами различного цвета на фуражках. Да, это были явные признаки военного времени в Кабуле.

Дальше все было как обычно в любых международных аэропортах, в которых ни мало побывал Иван: паспортный контроль, таможенные декларации, досмотр ручной клади, транспортная лента для багажа. Было шумно и суетливо. Вновь прилетевшие явно ожидали тех, кто должен был их встречать. И когда появились коробки с багажом и чемоданы, к нашим героям подошел худощавый смуглый парень с курчавыми черными волосами и представился:

– Меня зовут Курбан. Я переводчик вашего контракта. Приехал вас встречать.

Парень был таджиком или узбеком, но по-русски объяснялся довольно прилично. Все они стали спешно снимать с ленты коробки и чемоданы, а Курбан, сложив багаж перед выходом в город, попросил еще какого-то парня, возможно, то же переводчика, помочь донести вещи до машины. Кое – как уложили все это в Уазик, Курбан сел за руль, Иван рядом с ним, а Юрий с Валентиной разместились на заднем сиденье. Было интересно наблюдать из окна автомобиля за окрестностями, началом города, домами и постройками. Каменные строения, преимущественно одно и двухэтажные, теснились вдоль шоссе, ведущего из аэропорта, нередко встречались и откровенные лачуги, выложенные из глины и фанерных листов. Дорога была полуразбитой, и Уазик вилял из стороны в сторону, стараясь объезжать рытвины. По дороге у обочины попадались двухколесные тележки, запряженные осликами. Управляли таким экипажем местные крестьяне, одетые в широкие холщовые штаны и накидки серо-коричневого цвета. На ногах часто можно было увидеть простые резиновые калоши, а на голове традиционный тюрбан. Они, поглощенные своими житейскими заботами, что-то везли в своих тележках и не обращали внимание на обгонявших их автомобили. Автобус, раскрашенный в разные цвета, загруженный пассажирами донельзя, катился еле-еле вдоль дороги. Некоторые висели на подножках задней двери, а кто-то забрался на крышу автобуса.

– Посмотри, как они не свалятся с него?

– Да, это привычное дело. С транспортом очень плохо. Между прочим, это рейсовый автобус из аэропорта в город. Поживете, еще не такой увидите.

В голосе Курбана чувствовались нотки бывалого человека, заметно отличавшегося от приезжих новичков.

– Я здесь уже второй год, а сначала мне тоже многое казалось странным. Я сам из Душанбе, учитель русского языка. У нас многие переводчики учителя русского языка. Дари – это язык, на котором говорят в Кабуле, – он почти такой же, как и таджикский, потому нас и приглашают сюда в качестве переводчиков для работы с советскими специалистами.

Дорога заметно улучшилась, и машина въехала на территорию, сплошь застроенную блочными зданиями «хрущевского» типа. Здесь встречались деревья и кусты, по тротуарам и проезжим дорогам можно было увидеть прилично одетых людей как в афганских, так и в европейских костюмах, бегали дети. Здесь также можно было встретить своих соотечественников. Они ходили поодиночке и группами, с сумками и без, некоторые просто прогуливались, поглядывая по сторонам. «Вот они, русские в Кабуле, – подумал Иван, – теперь и он станет таким же».

Остановились у подъезда одного из домов, сгрузили вещи Ивана, прихватив с собой несколько упаковок, поднялись на третий этаж, позвонили в дверь.

– Это ваше временное жилье, сейчас здесь живет семья нашего анестезиолога. Вы пока поживете вместе с ними, – давал пояснения Курбан.

Дверь открылась, и в проеме показался крепкий мужчина средних лет с открытым и улыбчивым лицом. Над верхней его губой разместились пышные усы.

– Заходите, пожалуйста. Давайте вещи пока поставим здесь. Это все? – спросил он, осматривая принесенный багаж.

– Внизу еще осталось столько же, – ответил Курбан.

– Пойдем, я помогу.

Вместе с Иваном они подняли в квартиру оставшиеся коробки. Курбан сел за руль и повез Юрия с женой в их квартиру.

– Ну, теперь давай знакомиться, – предложил анестезиолог Ивану, – вы, как я знаю, Белецкий Иван Павлович, врач токсиколог, доктор медицинских наук, верно?

Иван кивнул головой.

– Можно просто Иван.

– Добре. А я, Гончарук Анатолий Иванович. Можно просто Анатолий. Врач анестезиолог. А это моя жена, Алла. Она здесь как член семьи, пока нигде не работает.

Алла, до сих пор стоявшая в стороне, осмелев, приблизилась, протянула Ивану руку.

– Здравствуйте. Я Алла. Очень рада познакомиться с вами. Вот, некоторое время, пока не освободится наша квартира, поживем здесь вместе. – Алла, смущенно улыбаясь, развела руками, как бы показывая на пространство квартиры, находившееся за ее спиной. – А пока я помогу вам по хозяйству, научу кое-чему, сходим на маркет, купим продукты.

– Спасибо, – также улыбаясь, ответил Иван, – я не понял, куда мы сходим?

– На маркет, – вместо Аллы ответил Анатолий, – базар или рынок, где купить можно все от овощей и фруктов до посуды и камней.

Анатолий показал Ивану его комнату. Совсем крошечная, с железной кроватью и шкафом для одежды, небольшой одно тумбовый письменный стол и окно без штор. Зато была дверь и врезанный замок. Очевидно, предполагалось, что в этой комнате временно будет жить посторонний от основной семьи человек. Основной семьей в этой квартире были Анатолий и Алла.

Слегка разобравшись с вещами, Иван умылся с дороги и захотел выпить чаю. Алла предложила ему горячий борщ, который она сварила накануне его приезда. Она сказала, что варила его специально к приезду Ивана, полагая, что тот непременно будет голоден с дороги. Иван

отказываться не стал. Борщ действительно оказался горячим и вкусным. Пока он поглощал борщ ложку за ложкой, Алла сидела напротив него за столом, расположенным на кухне. Чтобы не молчать, он повел разговор о секретах приготовления украинского борща. Она, в свою очередь, сообщила Ивану, что они родом из Кривого Рога, а в Москве живут совсем недавно, только три года. Ранее в их квартире жила ее тетя, она тяжело заболела и пригласила их в свою квартиру на проживание под предлогом ухода за больной родственницей. Так они с Анатолием оказались в Москве, но москвичами себя не считают, еще не привыкли. Потом она перешла на бытовые темы. Стала рассказывать, что и как можно готовить здесь в Кабуле с учетом санитарной обстановки. Например, пояснила она, что зелень, купленную на маркете, обязательно надо выдерживать в растворе корейского зеленого мыла, оно убивает бактерии. Потом ее нужно тщательно прополоскать проточной водой. Мясо на маркете они не покупают из-за возможности его заражения глистами, рыбу тоже. Так что пользуются консервами из нашего магазина для советских служащих. Завтра она все это покажет Ивану, а сейчас, наверное, хорошо бы поспать с дороги. Иван поблагодарил Аллу за борщ и направился к себе в комнату. Через пять минут он уже сладко спал.

Проснулся он от стука в дверь.

– К вам можно, Иван Павлович? – стучалась Алла. – Что будете ночью делать, если весь день проспали?

– Спать, что же еще, заходите Алла, присаживайтесь. – Иван не спеша поднялся с кровати, потянулся, посмотрел в окно. Еще было светло. Он повернулся к Алле, как бы желая спросить, есть ли какие проблемы. Та присела на краешек кровати, извинилась за вторжение и сообщила Ивану важную вещь.

– Я хотела вам сказать, что у нас горячая вода только один день в неделю, по пятницам. И то, часов в десять кончается. Может быть, вам стоит принять душ с дороги. И еще. У нас с Анатолием есть предложение посидеть сегодня вечером «со знакомством». Он предложил пригласить также своего товарища с четвертого этажа, то же москвича с женой. Мы здесь стараемся поддерживать теплые отношения с друзьями и соседями. Как вы смотрите на это предложение?

– Положительно. Значит, сделаем так. Я сейчас подберу кое-что на ужин из своих запасов, приму душ. Вы правы, при таких условиях принять душ крайне необходимо. А потом и за стол. И товарищ из Москвы пусть тоже приходит. Он наверно соскучился по Москве?

– Хорошо, мы так и сделаем. На ужин я поджарю картошечки с луком. Как вы на это смотрите?

– Крайне положительно, – улыбнулся Иван и принялся за распаковку нужной коробки с провиантом на первые дни и для знакомства. Его приятель Игорь Крутов, который собственно и порекомендовал Ивана на эту командировку и уже дважды побывавший в Афганистане, подробно его проинструктировал, что лучше всего взять из провизии для подобных случаев.

Через пару часов за столом на кухне сидели Анатолий с женой, Иван и московские соседи – Вадим и Татьяна. Вадим был архитектором и здесь оказывал консультативную помощь афганским властям по вопросам архитектуры. Кроме того, он также преподавал свой предмет в местном университете. Татьяна, его супруга, была очень симпатичной женщиной с пышными волосами до плеч соломенного цвета, нежным овалом лица и карими глазами. Она с интересом поглядывала на Ивана, выглядевшего достаточно свежо после душа, а когда узнала, что этот молодой интересный мужчина еще и доктор медицинских наук, воскликнула: «Да вы у нас из молодых, да ранних!» Иван улыбнулся Татьяне на ее восклицание и заметил, что он уж и не так молод, как может казаться.

На столе была жареная картошечка, приготовленная с луком. Она издавала аппетитный аромат. А сырокопченая колбаска, тонко нарезанная Иваном, прибавляла к этому аромату необычный шарм. В довершение ко всему были рижские шпроты, крупные и сочные, а также

молодой редис, выращенный в окрестностях Кабула. Во главе стола была бутылка армянского коньяка, также из запасов Ивана. Все это Анатолий представил, как прописку Ивана в доме.

Коньяк и вкусная еда сделали собравшихся за столом разговорчивыми. Иван и Вадим нашли общего знакомого в институте архитектуры. Это был некто Оболенский, с которым Иван немало пересекался по вопросам инсоляции жилых помещений и даже писал официальный отзыв на его диссертацию. Татьяна слушала их воспоминания с подчеркнутым вниманием, так как всегда считала, что работа ее мужа достойна уважения. А тут молодой доктор наук на равных разбирает некоторые обстоятельства, связанные с работой их общего коллеги.

– Иван, простите, я вас прерву. Мне интересно, по какой специальности вы доктор наук? Я имею ввиду, медицинскую специальность.

– Есть такой раздел медицины «экология и здоровье». Возможно, вы слышали об этом. Так вот, там есть такая дисциплина как токсикология окружающей среды, то есть все яды, что есть в нашем окружении. Их влияние на здоровье – вот моя специальность.

– А аллергия?

– В том числе и аллергия, хотя ближе к этому вопросу стоят аллергологи и иммунологи. У вас есть проблемы?

Вадим прервал диалог Ивана с Татьяной, сказав, что это специальный вопрос и его можно обсудить отдельно, как врач и пациент. Иван согласился. Неожиданно раздался звонок в дверь.

– Кто бы это мог быть? – Анатолий направился открывать дверь. Стремительно вошел Курбан, тяжело дыша, как будто за ним кто-то гнался.

– Анатолий Иванович, Кирсанов прислал за вами. Срочно собирайтесь. Жену Саида случайно подстрелили. Ее сейчас повезли в хирургию, в вашу клинику. Нужна операция, я вас отвезу.

Это было как гром среди ясного неба. Хорошо, что выпили совсем немного.

– Что за ранение, куда? – спросил Анатолий Курбана.

– Я толком не знаю, но много крови, по-моему, в заднюю часть. Поехали, там посмотрите.

Анатолий развел руками, мол, сами видите, надо ехать. Извинился, надел пиджак, и устремился за Курбаном. Разговор за столом прекратился сам собой. Вадим и Татьяна засобирались домой, пообещав Ивану скоро увидеться. Иван и Алла остались одни.

– И часто такое случается? – спросил Иван.

– Нет, как нарочно, первый день и ранение. Не думайте, это случайность. Вот вернется Толя и все расскажет. Главное, чтобы они успели до десяти.

– А что происходит в десять?

– Комендантский час. После десяти солдаты кричат «дреш», что означает «стой». Они имеют право стрелять. Поэтому после десяти мы не выходим на улицу.

– Да, суровые порядки. Значит все-таки война и город на военном положении. Так?

– Наверно, так.

Первый день Ивана в Кабуле подходил к концу.

Глава 2. Представление

Чай пили молча. Анатолий казался расстроенным чем-то или излишне озабоченным. О вчерашнем инциденте он не вспоминал, но и Иван не лез с расспросами. Может быть здесь не принято делиться друг с другом о случившемся накануне, может быть это служебная тайна? Оба молчали. Анатолий шел немного впереди Ивана и смотрел себе под ноги. Иван едва поспевал за ним.

– Представляешь, какой-то мудака из наших вчера уронил заряженный пистолет на асфальт, а он оказался не на предохранителе и выстрелил. А жена Саида гуляла с детьми у своего подъезда, и пуля попала ей в задницу, навывлет. Она упала, кричит, кровь из-под нее льется. Пока сообразили что и как, потеряла много крови. Хорошо Курбан оказался рядом и они вдвоем с Саидом погрузили ее в машину и быстро отвезли к нам в больницу. Представляешь, в афганскую больницу. Там мы ее и прооперировали. Никакого наркоза, только местная анестезия. К счастью, канал был не глубокий, промыли, зашили. Отвезли назад к Саиду на квартиру, не оставлять же ее в афганской больнице.

Слушая все это, Иван только кивал головой, так как многое не понимал из того, что рассказывал ему Анатолий. Например, почему нельзя было ее оставлять в больнице. Если наши хирурги делали ей операцию, значит они не чужие там.

– Теперь несколько дней будете обходиться без переводчика. Саид остался дома с женой и детьми. Здесь война, а они везут сюда весь аул. Сегодня явится Бабкин, будет расспрашивать, что и как, а у нас две плановые операции. Как тебе такое?

– Да, непросто все это, – лишь смог заключить Иван.

В конце асфальтовой дорожки, идущей вдоль дома, видна была кучка людей, что-то горячо обсуждавших и размахивавших руками. Это были медики, собравшиеся здесь перед отъездом по объектам. Обычно сюда прибывали автомобили, закрепленные за каждой их групп специалистов, и развозили их по месту работы. Когда присоединились к группе, спор затих, и все с любопытством посмотрели на подошедших Ивана и Анатолия. Юрий уже был среди них.

– Так, все, тихо, – повысил голос один из стоявших здесь, – теперь кажется все. Я хочу представить вам трех наших новых специалистов, прилетевших вчерашним рейсом. Познакомьтесь: Шахида, наш новый переводчик, будет работать с советником министра; Белецкий Иван Павлович – токсиколог в группе СЭС, между прочим, доктор медицинских наук; а этот молодой человек – Иванов Юрий Ксенофонович – специалист по санитарно-просветительной работе.

– Кого только не присылают сюда, – это был голос из толпы.

– Присылают тех специалистов, в которых в первую очередь нуждается здравоохранение республики Афганистан. Мне кажется, это всем ясно, – говоривший это, по всей видимости, был начальником над стоявшими здесь врачами.

Неподалеку стояли две машины. И вот еще одна только что завернула сюда с улицы, проходящей рядом с микрорайоном.

– Так, все по местам. Вы пока останетесь здесь, все не поместимся в машине. Дастагир отвезет нас и приедет за вами.

Четверо поместились в синий старенький джип «Лэндровер», за рулем которого сидел тощенький неопределенного возраста афганец с такой же тощенькой бородкой, как и сам. На слова начальника, произнесенные на дари, он закивал головой. В Уазик, где был Курбан, поместились четверо мужчин, включая Анатолия, и с ними светловолосая молодая женщина. Вероятно, это были хирурги. Иван, Юрий и новая переводчица остались стоять на углу внутреннего проезда.

– Ну, что ж, давайте знакомиться, – предложил Иван, – я не совсем расслышал ваше имя.

– Я Шахида, приехала из Душанбе, учительница английского языка.
– Вот это здорово. Значит у вас три языка: дари, русский и английский.
– Не совсем так. Дари и таджикский – родственные языки, но много различий, местных диалектов. Потом здесь еще говорят на фарси. Это тоже разновидность арабской группы языков.

Иван залюбовался этой милой женщиной. Невысокая ростом, со стройной фигурой и выдающейся грудью, скрытой шелковым платьем, обсыпанным разными цветами, выглядела она весьма привлекательно. Черные пышные волосы, ниспадая на плечи, обрамляли милое личико. Большие карие глаза смотрели смело и открыто. В ней почти ничего не было восточного. Манера говорить и отличный русский язык без присущего восточным людям акцента, выдавали в ней человека интеллигентного и образованного. Иван вспомнил, что она представилась учительницей.

– Я уверен, будет приятно работать с вами, и общаться тоже. Ведь мы в одной команде или как тут называют контракте. Я, правда, не совсем знаю, что это такое.

– Контракт, – вмешался в разговор Юрий, – это вроде как группа специалистов, объединенная вместе для удобства руководства ею.

– Может быть, потом узнаем, не все сразу, правда, – сказал Иван, обращаясь скорее к Шахиде.

– Правда, – улыбнулась та, смело посмотрев в лицо Ивана. – Я тоже думаю, что приятно будет с вами поработать и пообщаться.

В это время с улицы заехал синий джип, развернулся и остановился. Водитель открыл правую дверку и что-то сказал стоявшим рядом.

– Он приглашает нас в машину, – перевела Шахида. Иван помог ей сесть на переднее сиденье.

Дастагир что-то продолжал говорить Шахиде, улыбался, и время от времени поворачивался на заднее сиденье.

– Он поздравляет нас троих с приездом в Кабул и желает нам успешной работы и счастливой жизни, – перевела Шахида речь водителя.

– Переведите, пожалуйста, ему, что мы благодарим его за поздравления и что он очень симпатичный и добрый человек – попросил Иван Шахиду. Та перевела, и Дастагир обернулся на заднее сиденье и что-то сказал.

– Он сказал, спасибо.

Машина плавно заехала во двор большого здания по фасаду обрамленного крупными окнами. У ворот стоял автоматчик в афганской форме. Он тоже приветливо улыбнулся приехавшим. Дастагир вызвался проводить новичков до служебного офиса советских специалистов.

В просторной светлой комнате располагалось несколько письменных столов, за которыми по-деловому восседали мужчины. Они были в костюмах и при галстуках. Не все столы были заняты. Разместились пока что как попало. Иван занял стол, стоящий слева у окна. Шахида села на стул, напротив него. Юрий Ксенофонович разместился в правом углу. Воцарилось напряженное молчание. Иван обвел комнату взглядом. За столом напротив него сидел мужчина в светлом костюме, голубой сорочке и с красным галстуком. У него была густая шевелюра цветом «под седину». Он был достаточно молод и не отрывал глаз от бумаг, лежащих перед ним. Справа от него восседал полный, небольшого роста, лысоватый человек, тоже в костюме и при галстуке. Вид у него был вполне достойный того положения, которое он занимал в этом кабинете. Так прошло минут десять и все продолжали молчать.

– Я наверно не знаю здешних порядков, но наше молчание мне кажется, слишком затянулось. Вероятно, нам предстоит работать вместе, так что было бы лучше для начала представиться друг другу. Но поскольку ваш, а может быть и наш, начальник нас уже представил, хотелось бы попросить вас представиться в свою очередь.

На эти слова доктора Белецкого ответил светловолосый мужчина, сидящий напротив него. Он в частности сказал с некоторой ехидцей в голосе.

– У нас тут есть начальник, который не всегда во время выполняет свои обязанности. Мы, конечно, можем вам представиться, нет проблем, но это обязанность доктора Бугрова, который сейчас у советника министра. Каков будет порядок представления, мы не знаем, потому и молчим.

– Вообще-то это глупо. Какие могут быть формальности между коллегами, – сказал тот, что сидел слева от светловолосого. – Моя фамилия Кириак Степан Васильевич. Я – санитарный врач, а здесь вроде заведующего санитарным отделом.

– Я представлюсь сам, – сказал сердитый мужчина, сидевший слева у окна, – моя фамилия Мановский Сергей Сергеевич. По специальности я микробиолог, кандидат медицинских наук. Здесь я консультирую работу микробиологической лаборатории. Вот, пожалуй, и все для начала. Будем работать вместе, познакомимся ближе. Главное, чтобы никто нам не мешал.

Иван хотел было спросить, кто бы мог им мешать работать, но не успел. Дверь порывисто открылась, и в комнату вошел тот мужчина, что показался Ивану начальником.

– Так, вы уже познакомились, не дожидаясь меня? Ладно, теперь новенькие поедут со мной в торговое представительство, а вы занимайтесь своими делами. К перерыву на обед мы вернемся.

Все трое поспешно встали и, следуя за начальником в предложенном им темпе, направились на выход. Во дворе их дожидался голубой джип с Дастагиром за рулем.

– Давай, Дастагир, едим в посольство. А вам я, кажется, еще не представился. Моя фамилия Бугров Иван Иванович. Я руководитель нашего контракта и советник заместителя министра по санитарным вопросам. После обеда я вас познакомлю с ним. А сейчас надо успеть к Алексею Алексеевичу, нашему торгпреду. Я звонил ему, он нас ждет. Сегодня у вас второй день пребывания в командировке и вам надо отметить у торгпреда, а заодно, получить первые деньги в счет этого месяца. Вообще мы получаем зарплату в первых числа текущего месяца, но вы сейчас получите за остаток этого месяца, то есть за шесть дней.

Иван, Шахида и Юрий сидели на заднем сиденье, слушали разъяснения Иван Ивановича и поглядывали по сторонам. Это было необычное зрелище: старый город, неухоженные каменные постройки песчаного цвета, широкие окна, нередко без стекол. Слева стояла мечеть с голубыми куполами и вокруг нее толпились прихожане, такие же серые, убогие и неухоженные, как и их город.

– Ваши новые коллеги что-нибудь плохое говорили обо мне или о Петре Петровиче? – спросил Бугров, и, не дожидаясь ответа, добавил, – самый вредный здесь это Мановский. Он кандидат наук, и думает, что он большой специалист. Он всем дает понять, что у него «высокая крыша» в посольстве. Сам любит часто ездить туда, хотя, на мой взгляд, больше для форсу, чем по делу. Да и какие дела у микробиолога могут быть в посольстве. У нас положено при выезде в город спрашивать разрешение у руководителя контракта. Он этого никогда не делал. Вот мы и ссорились с ним. Это я так говорю, для информации.

Бугров замолчал, желая услышать реакцию на свое сообщение. Сидевшие на заднем сиденье молчали.

– Также не просто было и с Крутовым из Москвы. Он недавно уехал, кое-что оставил вам, Иван Павлович. Посмотрите потом, может, окажется полезным. Но вообще тоже был парень с ленцой. Одно время у него была машина, выделенная на нашу группу. Это еще до Дастагира. Так он распоряжался ею по своему усмотрению. Тоже выезжал в город без моего разрешения. Иногда приходилось подолгу сидеть и ждать его возвращения. Тоже пришлось ссориться с ним. Он уже был второй раз в Кабуле и считал себя ветераном, тоже кандидат наук и кичился этим. А вообще, я скоро уезжаю. Мой контракт заканчивается 8 мая. Я просил продлить его, но в торгпредстве отказали. Здесь уж как получится.

Машина заехала на автостоянку неподалеку от входа в посольство.

– Никуда не отходи, – сказал Бугров Дастагиру, – мы скоро вернемся.

При входе стоял солдат Советской армии с автоматом. Далее за столиком сидел офицер, который спросил паспорта, а с Бугровым поздоровался за руку, как старый знакомый. «Наверно, часто бывал здесь за два года», – отметил про себя Иван. Прошли вдоль убранных цветами аллей мимо ухоженных двух и трехэтажных зданий с занавешенными окнами. В конце одной из аллей стояло здание торгового представительства СССР в Афганистане, о чем гласила аккуратная табличка слева от двери. Поднялись на второй этаж и постучали в дверь в конце коридора.

В кабинете вошедших приветствовал интеллигентного вида мужчина, в сером костюме, при галстуке, с аккуратно уложенными волосами. Он представился как торговый представитель группы медицинских специалистов в ДРА, каждому пожал руку и предложил присесть. Провел короткую беседу о правилах проживания в Кабуле, военно-политической обстановке, напомнил о необходимости быть осторожными и бдительными, свои действия согласовывать с руководством, особенно если это связано с необходимостью выезда за пределы объекта. Объяснил порядок получения заработной платы и уплаты партийных взносов. Затем предложил пройти в бухгалтерию для получения аванса. Бугров, когда они собирались покинуть кабинет торгпреда, попросил их подождать его внизу.

Наша троица очень уютно расположилась в маленьком скверике недалеко от здания торгпредства. Они только что получили первые афганские деньги. Это была небольшая сумма, но на нее вполне можно было прожить до первой полновесной зарплаты. Тревожиться было не о чем. Над головой синее безоблачное небо, в листве – щебет и пение птичек, аромат цветущих деревьев, стоящих почти рядом с ними.

– Что это за деревья? – спросил Иван, обращаясь скорее к Шахиде, чем к Юрию. – Вы наверняка знаете. У вас такие растут?

– Наверно растут, запах знакомый, но я не могу точно сказать, что это?

– Наверно гранаты, – сказал Юрий. – У нас на Кавказе есть такие, только чуть мельче и пахнут они не так сильно, как здесь.

– Шахида, а кто у вас дома остался? – спросил Иван. Он не скрывал своего интереса к ней.

– Мама и дочка. Ей десять лет.

– А муж где? Он не приехал с вами?

– Нет, мы в разводе. Он наверно сейчас в Душанбе или еще где-то, я точно не знаю, да и не хочу знать. Уже прошло три года как мы в разводе. Кажется у него новая семья. Вообще это не характерно для нашего народа, но сейчас все изменилось, порушились все нравы и обычаи. Разве можно было раньше женщине одной уезжать из дома так далеко и так надолго?

– А как вы считаете, это хорошо или плохо?

– Не знаю, трудно сказать. Плохо, что семьи рушатся, дети растут без отцов. Хорошо, что сейчас женщина свободна и сама может определять свою судьбу. Я, например, довольна, что приехала сюда. Я свободный человек и могу делать, что захочу и даже любить, кого захочу. У меня будет много денег, и мы с дочкой устроим свою жизнь, ведь правда?

– Правда, – согласился Иван, – прочь в сторону все, что ограничивает свободу, а ты как думаешь, Юрий?

– Вообще-то я против излишней свободы. Жена должна быть при муже и исполнять свои обязанности. У меня там сын остался, подросток. Кто за ним присмотрит? А мать, то есть моя жена, уехала со мной, оставила сына на попечение пожилой бабушки. Вот и рассуждайте теперь, что хорошо, а что плохо. Я думаю, я бы не поехал сюда, если бы не нужда в деньгах. Наверно, все так считают.

Их дискуссия на вечную тему о материальном благополучии прервал Бугров. Он махнул им рукой, приглашая следовать за ним.

– Ну, все. Согласовал все вопросы. Решено окончательно: я уезжаю восьмого мая. Вопрос о том, кто будет вместо меня руководителем контракта остается открытым. Ну, это меня уже меньшего всего интересует. Ни вы, ни я этот вопрос не решаем.

Приехали в микрорайон. Бугров отправил Дастигира за остальными докторами. Начиная обеденный перерыв. Юрий пошел на свою квартиру, его ждала жена. Иван и Шахида шли рядом. Их дома соседствовали между собой. Полдень. Солнце изрядно припекало, хотя особой жары и не чувствовалось. Говорили о погоде, горном климате и о том, что предстояло делать им в ближайшее время.

Иван поднялся в свою квартиру и позвонил. Дверь открыла Алла, с улыбкой посторонилась, пропуская Ивана.

– Анатолий приехал на обед? – спросил Иван, проходя к себе в комнату.

– Нет, он не всегда приезжает. Когда много операций они перекусывают в отделении. Хотите борща, вчерашний, наваристый.

– Не откажусь, спасибо. Борщ действительно был вкусным. А я хочу предложить вам сырокопчёной колбаски к чаю.

Пообедали таким образом и Иван ушел к себе в комнату.

– Сбор после обеда в два часа. Алла, если я невзначай задремлю, разбудите меня, пожалуйста, через полчаса.

Та с готовностью согласилась. Она почувствовала тихую радость в душе, заботясь о нем. Почему то ей это доставляло удовольствие. Иван действительно задремал. Полуденная тишина и прохлада в комнате, куда не проникали солнечные лучи, сморили Ивана. Он ни о чем не хотел думать. Все, что было у него совсем недавно, уходило в прошлое, медленно, но верно. А ближайшее будущее уже предопределено, расписано устоявшимся регламентом пребывания наших специалистов в Кабуле. Похоже, выбора нет и это впервые в его жизни. Значит, и думать не о чем. Дремота овладела им.

В половине второго Алла подошла к открытой двери в комнату Ивана. Тот лежал на спине, его голова была повернута чуть набок, глаза закрыты. На его красивом лице отражалась полная безмятежность. Алла не хотела будить Ивана, она продолжала стоять у двери, не решаясь войти в комнату. Наверно, Иван сквозь сон почувствовал ее взгляд и открыл глаза.

– Пора уже? – спросил он. Посмотрел на часы. Да, пора вставать и отправляться к месту сбора. Чтобы окончательно проснуться, Иван поплескал водой на лицо, поправил причёску, надел пиджак и попрощался с Аллой.

– Ну что, пойдем сегодня на маркет за продуктами? – спросила Алла, закрывая за ним дверь.

– Обязательно. Как и договорились.

Алла поняла, что у нее будет еще полчаса общения с Иваном, и это почему-то вызвало в ней чувство радости.

После обеда представление приехавших специалистов продолжилось. Первым было знакомство с советником министра Петровым Петром Петровичем. Это был крупный мужчина лет пятидесяти с начинающей седеть шевелюрой и крупными чертами лица. Простое русское лицо располагало к себе. Петр Петрович сначала познакомился с Шахидой, подчеркнув, что она приехала как персональный переводчик для него и отныне она переходит в полное его подчинение. При необходимости она, конечно, будет помогать и другим нашим специалистам, как сейчас, например, когда Саид остался с подстреленной женой. Но это временное явление. Затем он переговорил с Юрием Ксенофоновичем, подчеркнув особую важность работы по налаживанию санитарного просвещения среди афганского населения, которое преимущественно безграмотное и без признаков внешней культуры, не говоря уже об элементарных навыках по санитарии. С Иваном он говорил последним. Он расспросил о его научных контактах, о работе по проблемной комиссии, о его докторской диссертации. В ходе беседы они

отметили, что у них есть общие знакомые, например, министр здравоохранения Казахстана и замминистра по общим вопросам, который не так давно организовывал пленум проблемной комиссии в Алма-Ате. Нашлись еще другие общие знакомые. Дело в том, что Петр Петрович тоже был из Алма-Аты, работал там в должности одного из заместителей министра здравоохранения, курировал вопросы организации медицинского обслуживания населения. А здесь он занимает практически все разделы здравоохранения. Он подчеркнул, что все вопросы приходится решать самому. Он отметил, что это национальная особенность афганского народа, который с удовольствием берет на себя высокие должности, но делать что-нибудь не хочет. С этим они сами встретятся, тогда и узнают их «байскую» натуру.

Вскоре их всех пригласили на второй этаж в специальный зал приемов на встречу с министром и заместителем министра по санитарным вопросам.

Их встретили солидные, ухоженные, пахнущие дорогим одеколоном, одетые в дорогие костюмы с повязанными шелковыми галстуками афганские руководители здравоохранения. Встреча сопровождалась теплыми рукопожатиями, похлопыванием по плечу, как старых друзей, бурным приветствием на своем языке, еще непонятном нашим докторам. Первым представился министр здравоохранения. Он поблагодарил наших специалистов за их готовность оказать помощь молодой республике в это непростое для нее время. Затем взял слово заместитель министра по санитарным вопросам Агамат. Он кратко обрисовал санитарную обстановку, эпидемиологическую ситуацию, подчеркнул важность становления токсикологической службы, особенно в окружении врагов. Доктор Агамат представил своего ближайшего помощника, руководителя санитарным департаментом доктора Айдара. Это был мужчина средних лет, невысокий ростом, в европейском костюме. В нем было уже меньше признаков «байства» и больше европейских манер. Он перешел на английский и с удовлетворением отметил, что все трое владеют языком. Это обстоятельство значительно упростит их общение. Здесь же был и доктор Мушфик, отвечавший в министерстве за санитарно-просветительную работу. Он с особым трепетом жал руку Юрию, узнав, что именно он будет заниматься этим вопросом вместе с ним. Мушфик был высокого роста, крепкого телосложения, с острым взглядом из под густых бровей. На его голове уже видна была обширная лысина. По всему чувствовалось, что этот человек привык к тому, что он всеми уважаем и достоин этого уважения. Последним был доктор Закир, невысокий, скромный, казался не в своей тарелке среди этих важных господ. Одет он был в одежду не первой свежести, и от него не пахло заграничной косметикой. Но он тоже говорил по-английски и с радостью приветствовал Ивана, узнав, что именно он будет консультировать его по вопросам токсикологии. Это большая честь для такого скромного доктора как он, что именно доктор Белецкий, будучи доктором медицинских наук, будет работать именно с ним. Он отметил также, что ни у кого в министерстве нет консультанта доктора медицинских наук, лишь он один удостоен такой чести. В заключении Закир принялся что-то долго говорить заместителю министра доктору Азамату. Шахида еле слышно перевела Ивану, что он благодарит доктора Азамата за высокую честь, оказанную ему таким образом. Доктор Азамат подошел к Закиру и бережно обнял его, прикоснувшись щекой к его щеке.

На этом представление приехавших специалистов руководству министерства здравоохранения ДНР завершилось. Все устроились лучшим образом. Шахида сразу прошла в кабинет Петра Петровича, чем подчеркнула свое особое положение среди прочих переводчиков. Юрий нашел общий язык (английский) со своим подопечным или как их здесь называют «подсоветным» доктором Мушфиком и договорился с ним, что тот будет заезжать за ним в общий офис, где сидят советские специалисты. Лаборатория токсикологии располагалась по соседству с этим офисом, что было весьма удобно и для Ивана.

Придя в свою комнатушку, Иван почувствовал усталость. Этот напряженный день знакомств и представлений отразился на его самочувствии не лучшим образом. Спустя несколько минут в дверь постучала Алла и напомнила ему, что они собирались идти на маркет за про-

дуктами. Она была права, надо начинать готовить горячую пищу. Анатолий отдыхал в своей комнате, куда-либо идти он отказался.

Микрорайон, где проживали наши гражданские специалисты, представлял собой комплекс панельных домов, которые здесь почему-то называли блоками. Они располагались вокруг большого футбольного поля и беговых дорожек, обрамляющих его. Здесь после работы многие любили прогуливаться, а некоторые бегали, особенно по утрам. Примыкавшие дома имели свои палисадники, где росли кустарники и редкие деревья. Сейчас некоторые из них были в цвету. Иван спросил Аллу, не знает ли она, что это за деревья. Оказалось здесь цвели гранаты и мандарины. Они никому не принадлежали и по осени мальчишки обрывали их или собирали те, что уже лежали на земле. Потом эти же мальчишки продавали их жителям микрорайона.

Первым объектом, где можно было произвести покупки, был наш магазин, то есть магазин для советских служащих. В нем была устроена система распределительной торговли продуктами, имеющими определенный дефицит. К ним относились водка, коньяк, сигареты, рыбные консервы, некоторые мясные консервы, масло сливочное и некоторые виды сыров. Это все можно приобретать раз в неделю в назначенный для данного контракта день. Проведенные покупки отмечались в специальных ведомостях, для подотчетности. Остальное можно покупать свободно в любой день недели. Никакой отчетности по другим продуктам не велось.

В магазине покупателей было немного, хотя небольшая очередь все же была. Подойдя к продавцу, Иван представился и попросил проверить наличие его фамилии в списке контракта. Фамилия была. Их день – воскресенье, то есть завтра, он мог приходить за регламентированными продуктами, а сейчас может купить все, что выставлено на полках. Иван купил подсолнечное масло, несколько банок тушенки, макароны и бутылку сухого вина.

– На всякий случай, – объяснил он Алле, – пусть будет.

Та тоже сделала какие-то покупки, после чего они собственно пошли на маркет. Любопытство съедало Ивана. Маркет – это было центральное место в разговорах, без которого, по всей видимости, обойтись невозможно. Это было место неожиданных встреч специалистов и членов их семей, не связанное с работой. Это была витрина изысканных товаров, привезенных с разных стран, особенно восточных. Здесь можно было присмотреть, поторговаться и, наконец, купить недорогие вещи для повседневной носки. Большинство из этих вещей выглядели вполне прилично, но встречались и явно ношенные и даже с дефектами, на что продавцы отвечали коротким афганским словом «парванис», что означало, чепуха, ерунда, это можно зашить, зато как дешево! Слово «парванис» здесь было очень распространено, и не только здесь. Позже Иван убедился, что оно относилось не только к бракованным вещам, изделиям, но и носило смысл более распространенный, скорее относящийся к образу жизни. По-русски можно было бы сказать «пофигизм» – вот наиболее точный перевод этого слова и термина как образа жизни.

Прогуливаясь вдоль рядов с горами овощей, зелени и фруктов, Алла взяла Ивана под руку и плотно прижалась к нему.

– Здесь женщина должна быть как можно ближе к мужчине, иначе дукандоры не поймут. Могут подумать, что я чужая для вас и начнут чего доброго приставать. Вообще-то, одни без мужчин мы сюда не ходим.

Иван с пониманием отнесся к этому жесту. Пройдя несколько рядов, они остановились у горки с овощами. Алла стала прицениваться к моркови и луку. Она уже научилась кое-каким словам на дари и быстро находила взаимопонимание с продавцами.

– Вот качала, вам нравится эта картошка? Кимати чанд аст?

Продавец назвал цену, и Алла отвесила себе, а потом и Ивану. Купили также лук и морковь. Нагрузившись продуктами, перешли дорогу в микрорайон. Здесь им повстречались

Юрий и Валентина. Их путь то же лежал на маркет. Валентина стремительно подошла к Ивану и прижалась к нему всем телом, поцеловав в щеку.

– Здравствуй, Ваня. Как я рада видеть тебя. Ты уже с покупками? Поздравляю с почином. А мы только собираемся на маркет. Познакомь меня со своей дамой, – щебетала Валентина. С ее лица не сходила улыбка. Может быть, она действительно была рада видеть Ивана.

– Это Алла, жена Анатолия Гончарука, нашего анестезиолога. Моя соседка.

– Понятно. Приятное соседство.

Алла была старше Валентины лет на десять, и развязанный тон молодой незнакомой ей женщины несколько смутил ее.

– А мы живем вон в том доме, – показала она Ивану на недалеко стоящий от них дом, – первый подъезд, первый этаж, первая квартира. Легко запомнить. Приходите в гости, будем рады вас видеть.

Ивановы пошли дальше, а Иван с Аллой направились к дому.

– Вы давно знакомы с ней? – спросила Алла.

– Только одну ночь и то в самолете. Вчера прилетели вместе. А Юрий наш специалист по санпросвету.

– И такие специалисты то же здесь нужны?

– Наверно, и даже очень. Безграмотный народ, антисанитария. Может быть, даже в первую очередь здесь нужна работа по санитарному просвещению населения.

Придя домой, Иван разложил свои первые продукты, приобретенные в Кабуле, и стал думать, что бы ему приготовить на ужин, а заодно и на обед, на завтра. Теперь он будет заботиться сам о себе до приезда жены.

Глава 3. Первой

День за днем прошла неделя. Было тихо и спокойно. Иван все время ждал начала военных действий, стрельбы или взрывов гранат. Об этом много говорили еще в Москве. Но пока что никаких признаков военного действия он не замечал. Лишь автоматчики у подъездов домов и время от времени по окружной дороге, опоясывавшей микрорайон, проезжали бронемашин и проползали танки с номерами на башнях. Они были запыленные, местами в глине. Иногда на броне сидели русские солдаты уставшие, тоже запыленные с автоматами в руках. Рядом с ними можно было увидеть служебных собак. В таких случаях Иван испытывал нежность к ним и благодарность к солдатам, придерживавших их за холку, не давая свалиться с брони. У Ивана в Москве тоже осталась собака – боксер по имени Сэм, и сейчас Иван нередко вспоминал о нем. Он чувствовал, что ему не хватает этого милого пса, верного и умного, ласкового, несмотря на свой свирепый вид. С каждым днем Иван все чаще вспоминал свой дом и уже начинал думать о том, правильно ли он поступил, приехав сюда.

День ото дня Иван все больше втягивался в свою работу. Каждое утро он начинал свой рабочий день с визита в токсикологическую лабораторию, беседы со своим подопечным, просмотра заявок на лабораторный анализ. Далее он поднимался на второй этаж. Там у него была еще одна лаборатория, которая проводила ежедневный контроль качества водопроводной воды в централизованном водоснабжении. Работу этой лаборатории наладил еще Игорь Крутов и, как смог убедиться Иван, сделал это неплохо. Лаборанты были достаточно хорошо подготовлены, приборы и реактивы соответствовали стандартам, и Ивану приходилось лишь приветствовать своих сотрудников, осведомляться, нет ли каких проблем. Среди своих подопечных в этой лаборатории была одна молодая женщина необычной красоты с тонкими чертами лица, большими карими глазами, тонкая и стройная. Она всегда выходила Ивану навстречу и протягивала руку. Большого она не могла себе позволить. К сожалению, она не говорила по-английски, а Иван пока что не понимал по-русски. Они обменивались рукопожатием и улыбками и Иван, сказав пару английских фраз, продолжал обход лаборатории.

Однажды вечером Иван вспомнил про телевизор, который он привез с собой из Москвы. Это был компактный прибор с встроенной антенной. Весил он немного, потому пользовался спросом среди тех, кто нуждался в передвижении с телевизором. Он предложил Анатолию и Алле попробовать включить его. К сожалению, на засветившемся экране появились лишь полосы, ни звука, ни изображения не было. Изменения положения антенны не давало положительного эффекта.

– Я знаю, что надо делать. Есть один специалист из наших, он всем настраивает и ремонтирует телевизоры. Завтра я встречу с его женой и договорюсь о нашем телевизоре. Вечером отнесем его.

Так и случилось. Алла, как добрый ангел-хранитель, сумела договориться с женой мастера и вечером Иван вместе с ней отнесли телевизор к настройщику.

– Новый? – спросил матер.

– Только один раз и включали, – заверила Алла, – сделаешь?

– Делал не раз. Здесь нужно настроить один модуль под афганскую частоту и будет работать без проблем. Таксу знаете?

– Конечно, – уверила его Алла.

– Тогда приходите завтра в это же время. Все будет в лучшем виде.

По дороге домой Алла опять взяла Ивана под руку, прижавшись грудью к его плечу. Иван это четко почувствовал, но сопротивляться ее желанию не стал. Алла вновь испытывала удовольствие от того, что сумела сделать добро Ивану. И еще от того, что вновь была рядом с ним, грудью ощущала его плечо, и внутри зажегся огонь, разливавшийся по животу. Она

ничего не могла противопоставить этому неутолимому желанию быть с ним все ближе и ближе. Но вот подъезд их дома. Надо привести свои чувства в порядок.

– Так бы и шла с тобой все время, без перерыва. Прости, я что-то расчувствовалась, как юная девушка. Тебя это не смущает?

– О чем ты? Скажи лучше, что означает такса за телевизор.

– Ха-ха, – с облегчением вздохнула Алла, – такса – это бутылка водки. С тебя, конечно.

По лестнице подымались рядом, и она вновь подставляла свою грудь под плечо Ивана. На следующий вечер Иван принес отрегулированный телевизор домой. Включили: изображение и звук были в полном порядке. Потом пили чай и смотрели концерт, где исполнители пели афганские народные песни.

– Завтра первое мая. Наверно будут показывать парад с Красной площади. Посмотрим? – сказал Анатолий. – Кстати, мы все приглашены к Кирсанову на праздничный обед. Он будет готовить плов. Пойдем?

– Пойдем, конечно, – воскликнула Алла, – ты как Иван?

– С радостью. Этот праздник я больше всего люблю.

Среди ночи слышались раскаты, как будто гром гремел в горах. Начались боевые действия где-то неподалеку от Кабула. Кто палил, откуда и куда летели снаряды? Слышно было лишь артиллерийские хлопки и разрывы снарядов спустя одну-две секунды. Горы множили эхо разрывов, не давая спать. Эта канонада сопровождалась неприятным ощущением неизвестности и страха. Вероятно, это душманы отмечают наш праздник и к этому тоже надо привыкнуть.

С утра обсудили ночной обстрел. По мнению Анатолия, пережившего уже не один душманский обстрел Кабула, стрельба была на подступах на расстоянии трех-пяти километров, где-то в районе нашего посольства и дворца Амина. Будем надеяться, что разрушений нет, и никто из наших не пострадал. Посмотрели трансляцию парада с Красной площади, комментировал парад диктор Кабульской телестудии, естественно, репортаж шел на дари.

К трем часам втроем направились к Кирсанову. Юрий, его жена Наталья и маленькая дочка Ксения обрадовались приходу гостей. Девочка почему-то сразу облюбовала Ивана, взяла его за руку и повела к себе в комнату. Там стала показывать свои куклы и разные игрушки, которых здесь было множество. Иван расспрашивал ее о том, где она живет в Москве, как зовут ее подружек, соскучилась ли она по своим друзьям. Оказалось, что она больше всех соскучилась по своей кошке Нюсе и бабушке. Их диалог мог бы продолжаться неизвестно как долго, если бы ее папа не позвал к столу. Иван в качестве презента принес бутылку коньяка и банку красной икры. Наталья поблагодарила его за подарок, коньяк позволила поставить на стол, а баночку красной икры отнесла в холодильник, сказав, что для дочери она будет полезней. Наверно, она была права.

Позвонили в дверь.

– Это Оля, наша медсестра. Она совсем одна и сидеть одной в праздник скучно. Вот я и пригласил ее, – сделал пояснения Юрий.

Да, это была Оля. В нарядном платье, с красивой прической и с пирогом в руке, испеченном специально к праздничному столу, она выглядела очень привлекательной. Наталья подошла к ней, поцеловала в щеку, пригласила к столу. Пирог до поры до времени отправился на кухню. Иван попробовал осмыслить сложившуюся ситуацию. «Оля одна, – думал он, – пришла в гости, чтобы уйти от одиночества. Я тоже один и тоже хочу уйти от одиночества. Стало быть, мы с ней вполне может составить единую пару, по крайней мере, на сегодня». Они сели рядом. Вернее, их посадили рядом.

Как водится за праздничным столом, поздравили друг друга с праздником общим для всего советского народа. Большинство и Иван в их числе, любили его с детства. Потом произносили тосты за каждого в отдельности, а когда говорить уже было нечего, малышка прочитала стишок, раздались дружные аплодисменты и потом включили музыку. Здесь был уже совре-

менный «панасоник» и хорошие компактные кассеты. Иван пригласил Олю на танец. Анатолий танцевал с Аллой, Юрий со своей маленькой дочкой, Наталья прибирала со стола. Далее должен быть чай с пирогом, изготовленным Олей. Чем дальше продолжались танцы, тем теснее были контакты Ивана и Оли. Алла на это стала смотреть с ревностью и вот на очередной танец она пригласила Ивана. Приблизившись к нему, насколько это позволяло приличие и присутствие супруга, она стала выспрашивать у Ивана, нравится ли ему Ольга и как он среагирует на то, если она пригласит его к себе. Иван ни о чем таком не думал. Сейчас ему просто было хорошо, его покинула постоянная тоска по дому, прилепившаяся к нему уже несколько дней назад. Он перестал думать о разумности происходящего и предался теплым ощущениям близости то с одной, а теперь и с другой женщиной. На вопросы Аллы он еще теснее прижался к ней и как бы на ушко прошептал, что она говорит глупости. И еще сказал, что ему жаль, что здесь рядом с ними ее муж, и он не может быть более откровенным с нею. При этом сердце Аллы застучало так, что она взглянула на мужа, танцевавшего с Олей, не слышит ли он стука ее сердца. Следующий танец она также оставалась с Иваном.

Наталья пригласила всех к столу на чай, а Ольге велела разрезать пирог, как она считает нужным. Ведь это ее пирог. Мужчины с водки перешли на коньяк, а женщины продолжали пить вино. И чай, и пирог, и все остальное доставляло радость, сидевшим за столом. Иван вел оживленную беседу с Олей про ее родной город на Украине, говорил о том, что в молодости и у него был такой город – Полтава на берегу Ворсклы. Оля отметила, что она однажды была там и ей очень понравилась Полтава и Ворскла.

– А какая у тебя река, – вполголоса спросил Иван.

– У меня Днепр, – с гордостью ответила Оля, – широкий, с крутыми берегами.

– Моя Ворскла, между прочим, впадает в твой Днепр. Интересно, что испытывает она, когда соединяется с водами Днепра?

– Наверно, радость, – загадочно ответила Оля, посмотрев Ивану в лицо, – а вы хотели бы этого?

Потом они вновь вместе танцевали. Иван с каждым танцем обнимал ее все крепче и крепче, даже ухитрился поцеловать ее в шейку. В ответ она лишь откинула голову, еще больше оголив свою шею для поцелуя. Но Иван сдержал себя, хотя и с трудом.

– Я сейчас ухожу. Пойдешь со мной?

Иван кивнул головой в знак согласия.

– Спасибо всем за праздник, – громко сказала Оля, освободившись из танцевальных объятий Ивана, – Иван Павлович, Вы проводите меня?

– Конечно, провожу, – согласился Иван.

– Тогда спокойной ночи, Оля. Не забудь, завтра рабочий день и с утра у нас плановая операция, – напомнил Юрий Кирсанов, – Иван, если уходишь, то давай «на посошок».

Иван подошел к столу, взял предложенную ему рюмку коньяка, поблагодарил за гостеприимство и праздничный стол, чокнулся с мужчинами и выпил. Закусывать не стал. Поспешил за Олей. Та стремительно направилась к выходу из квартиры. По лестнице Иван едва успевал за Олей.

– Нехорошо получилось, – торопливо сказала Оля, – не успели толком попрощаться. Это я виновата. Но мне хотелось скорее остаться наедине с тобой.

Вышли на улицу. Начинало темнеть, Но у дома было тихо и у подъезда никого не было, кроме афганского охранника с автоматом.

– Хорошо, что никого из наших нет. Пойдем скорей.

Они поднялись на третий этаж. Оля жила в том же подъезде, где жило большинство специалистов контракта. Открыла дверь ключом и пригласила Ивана войти.

– Здесь мы живем с Валентиной Ивановной. Она сейчас в гостях у своих друзей. Так что мы совсем одни. Проходи, я сейчас освобожусь.

Иван прошел в большую комнату, обставленную приличной мебелью. Он услышал хлопок двери одной из комнат за его спиной. «Мне бы тоже пора в туалет», – подумал Иван и сел на диван, стоящий у двери. Пружины податливо скрипнули. «Такой же, как и мой», – вспомнил свой диван, стоящий в общей комнате, на котором он любил отдыхать вечерами за телевизором. Вошла Ольга. Он встал ей на встречу и обнял ее. Она прижалась к нему всем телом, и горячий поцелуй Ивана стал подарком за ее отзывчивость.

– Пойдем ко мне в комнату, – предложила Ольга и повела Ивана за руку к себе.

– Подожди немного, я сейчас вернусь, – освободился Иван и направился в туалет, – там можно воспользоваться полотенцем?

– Конечно, я жду тебя.

Через пару минут Иван вернулся в комнату и застал Олю в постели.

– Иди ко мне, я больше не могу ждать.

Для их любви оставалось совсем немного времени, так как через час – полтора должен наступить комендантский час. Оля и Иван знали это, потому и торопились насладиться неожиданной близостью. Они не придавали значения тому, что происходило с ними. Они хотели друг друга и отдавались этому желанию любовной близости без стеснения и каких-либо ограничений. Иван ласкал ее нежную кожу, целовал сосок, гладил бедра, живот. Ольга порывисто дышала, слегка постанывала, целовала Ивана в шею. В порыве страсти она крепко прижимала его к своей груди. Потом затихла, а когда восстановилось дыхание после пережитой страсти, Ольга сказала:

– Тебе пора, скоро комендантский час, да и Валентина может нагряться неожиданно.

Иван не спеша встал, оделся, погладил Олю по ее светлым волосам, раскинувшимся на подушке, нежно поцеловал.

– Не вставай, милая. Я захлопну дверь. Завтра увидимся.

Ольга осталась лежать в постели. На душе было спокойно и немного радостно. Не хотелось ни о чем думать. Ни о завтрашней плановой операции, ни о маме, оставшейся одной в маленькой хатке на окраине большого украинского города, ни об Иване, ласкавшего ее еще пять минут назад. Вдруг, она вновь ощутила теплоту его нежных рук, провела по своему телу руками там, где только что были руки Ивана, и тихо застонала. Потом дотянулась рукой до кнопки выключателя на настольной лампе, погасила свет, повернулась на бок и тут же заснула.

Иван в это время поднимался по лестнице в свою квартиру. При входе в подъезд он увидел голубой свет в окне большой комнаты. «Смотрят телевизор, – подумал он, – это хорошо, меньше будет расспросов». Дверь ему открыла Алла и, посторонясь, пропустила в квартиру.

– А мы без спросу включили телевизор, – сообщила она.

– И правильно сделали, – ответил Иван и прошел к себе в комнату. Он решил принять душ, если еще была вода. Переодевшись в домашнее, он прошел в ванную. Открыл кран горячей воды и с радостью обнаружил, что воду еще не отключили. После душа, снявшего с него все симптомы праздничного опьянения, он зашел в большую комнату и спросил, что идет по телевизоры.

«Семнадцать мгновений весны, – ответил Анатолий, улыбнувшись в усы, – на афганском языке».

Иван присел на диван и прислушался к Штирлицу. Действительно, тот говорил на афганском языке. Более того, появившийся на экране Броневой в роли Мюллера, тоже заговорил на дари. Он приветствовал Штирлица стандартным приветствием, которое обычно используется в Кабуле. Приблизительно, это звучало так: «Хубасти, чатурасти, Штирлиц», что означало, скорее всего: «Здравствуй, как дела». Штирлиц, в свою очередь, ответил Мюллеру также, добавив еще несколько слов. При этом выражение лиц, что у Мюллера, что у Штирлица было серьезным, и это нельзя было смотреть без улыбки.

– Ну, это уж слишком, – громко возмутился Иван, – давайте лучше еще раз отметим наш праздник.

Он прошел на кухню, открыл бутылку сухого вина, купленного не так давно в «нашем» магазине, взял три стакана и с этим вернулся в комнату. Поставил все это на стол, перед телевизором, включил свет и разлил содержимое бутылки по стаканам.

– Давайте теперь на посорок. С Праздником еще раз.

Иван и Анатолий выпили сразу по полному стакану, а Алла, надпив немного, стала размышлять о своем. Она, прихлебывая кислое вино, думала над тем, что могло быть там, в квартире Ольги, когда они оказались вдвоем. Ей рисовались картины одна ярче другой, и страстные объятия и горячие поцелуи и даже постельные сцены. Она думала о том, могла бы она оказаться на месте Ольги, и как бы она реагировала на ласки Ивана. Алла перевела взгляд с экрана телевизора и увидела профиль Ивана, спокойно наблюдавшего сцену беседы Штирлица и Миллера. Иван повернулся к ней лицом и хотел задать какой-то вопрос, но в это время Анатолий встал, потянулся с хрустом в суставах и объявил, что он идет спать. Алла пересела на диван поближе к Ивану, погасив в комнате свет.

– Я волновалась за тебя. Боялась, что ты не успеешь вернуться до комендантского часа, – неполголоса сказала она.

– Напрасны были твои волнения. Мы мирно беседовали про нашу родную Украину. Оказывается, мы были в одном и том же городе, Полтаве, и купались в одной и той же речке, Ворскле, но только в разное время, представляешь. Я ведь старше ее лет на пятнадцать или больше.

– Но это не мешало вам обниматься во время танцев.

– Ведь это был праздник для всех нас. Было хорошо и весело. Правда? Мы и с тобой танцевали и обнимались немного, ведь так? Но ведь это ничего не значит.

Да, к сожалению, – прошептала Алла, склонив голову и взяв Ивана за руку. Она положила его руку к себе на бедро и сильно прижала ее. Она знала, что Анатолий не мог видеть их из своей комнаты, потому смело потянулась к Ивану и поцеловала его в губы. Иван нежно сдержал ее порыв.

– Пойдем спать, уже поздно.

Засыпая, Иван услышал грохот канонады где-то там, в горах. Минометные выстрелы и взрывы мин настойчиво приближались. Казалось, что все это происходит уже в микрорайоне, на футбольном поле стадиона. Что делать в такой ситуации? Бежать или идти некуда, остается уповать на Бога и счастливый случай. А все же интересно знать, где все это происходит? С этой мыслью сон сморил Ивана.

Утром над Кабулом было синее небо, тишина и покой нарушало только пение птиц, ароматы цветущих деревьев наполняли чистый горный воздух. Жизнь хороша! В ожидании своих коллег и машины с Дастагиром, Иван увидел выходящую из подъезда Ольгу. На ней было скромное темное платье, светлые волосы собраны в пучок. В руках была небольшая сумка. Она приветливо посмотрела на Ивана, как и на остальных коллег, собравшихся здесь. Всем сразу кивнула головой. В это время к торцу дома подъехала синяя «Волга» и из нее вышла Валентина Ивановна, гинеколог контракта, соседка Ольги по квартире.

«Значит, Ольга всю ночь спала одна в квартире, – заключил Иван, – жаль, можно было остаться на ночь». И тут же поправил себя. «Да, а сейчас на виду у всех мы бы вышли с Олей вместе как влюбленная парочка, ха-ха». Подъехал Дастагир и вся группа погрузилась в старенький джип.

Глава 4. Весенние настроения

По понедельникам приходила почта. Это вообще-то была непростая система, или как ее здесь называли, хитрая система. Со всех концов страны письма писали на единственный адрес в туркменский военный округ и далее контракт номер 1012. Это был номер контракта, где работал Иван и его коллеги-врачи. Письма запечатывали в обыкновенные конверты без почтовой марки, словом, как солдатские письма, но обязательно с указанием фамилии адресата и адреса отправителя. Что бы письмо прилетело в Кабул к понедельнику, оно должно попасть в почтовый ящик в Союзе не позже среды предыдущей недели. Здесь письма раскладывали по контрактам, и дежурный приносил их к месту сбора специалистов, то есть к углу блока, в котором жила большая часть врачей контракта. Обратные письма в Союз следовало отправлять также до среды и в этом случае они приходили в Москву к выходным. В другие города они приходили в разные сроки. Вот такая была конспирация. В письмах также не рекомендовалось писать о всякого рода происшествиях, обстрелах и иных подробностях быта, поэтому наши, проживавшие в Кабуле, нередко подменяли такого рода события условными словами. Например, интенсивные обстрелы заменяли щебетанием птиц, а взрывы – растущими фруктовыми плодами, чаще всего гранатами. Все остальное писать разрешалось.

Сегодня был понедельник, и была пора идти за письмами. Иван считал, что ему еще рано получать письма, так как прошло чуть меньше двух недель, как он прилетел в Кабул. Тем ни менее, Иван пошел к месту сбора, хотя бы для того, чтобы просто увидеть всех коллег вместе. Стояли группками, переговаривались в ожидании почтальона. Иван поглядывал на Олю, как она? Ему хотелось подойти к ней, поговорить о чем-нибудь, но он не решался сделать это при всех. Юрий пришел вместе с Валентиной, своей супругой. Принялся знакомить ее с отдельными специалистами. Ранее такой возможности не было. Валентина, будучи по своей природе женщиной общительной, с удовольствием принимала новые знакомства. К тому же все рабочие дни, когда Юрий был на своем объекте, она оставалась дома и никуда не выходила. Не рекомендовалось женщинами без сопровождения мужчин появляться где-либо среди афганцев, включая и маркет. Самое большее, что она могла себе позволить, это зайти в наш магазин, благо он находился метрах в пятидесяти от их блока. Подойдя к Ивану, Валентина присела в реверансе, улыбаясь во весь рот, и схватила его за руку для рукопожатия. Эта шутливая выходка не осталась незамеченной некоторыми из их контракта.

– Между прочим, я очень соскучилась по тебе, Иван, – с упреком сказала Валентина, – мог бы зайти к нам вечером на чашку чая или пригласить нас к себе. Кажется, у тебя появился телевизор?

– Да, очень интересное зрелище. Тут первого мая показывали «Семнадцать мгновений весны», так там Штирлиц и Мюллер разговаривали на дари. Слышать это было невыносимо смешно. Да, часто показывают музыкальные передачи с национальными песнями. Впрочем, приходите как-нибудь, если вам интересно.

– У меня появилась идея, Иван, – вмешался в разговор Юрий, – как ты смотришь на то, чтобы изучать язык.

– Какой, дари?

– Да, бытовой. Это облегчит общение с подопечными сотрудниками, в магазинах, на маркете. И вообще, я считаю, что жить в этой стране и не знать ни слова на их языке, это неуважение к местному населению.

– Что ж, идея хорошая. Все равно делать нечего. А кто будет преподавателем?

– Любой из переводчиков. Но я думаю, что было бы лучше, если бы согласилась Шахида.

Перспектива иметь возможность более тесного контакта с этой приятной женщиной привлекала Ивана, и он поддержал эту идею.

– Давай завтра с утра обсудим этот вопрос в нашем офисе. Только больше никого привлекать не надо. В тесном кругу материал усваивается легче, сам знаешь, учил язык.

Иван знал, что Юрий перед отправкой в Кабул прошел ускоренный курс английского языка. Не зная его совсем, сейчас он мог изъясняться на английском, хотя и в ограниченном объеме. Что ж, теперь будет учить дари, глядишь, станет полиглотом.

Пришел почтальон с пачкой писем в руках. Это был доктор Цыцорин из Сыктывкара, невропатолог, тихий и застенчивый человек. Говорил он мало и часто казалось, что он испытывает вину, неизвестно за какую провинность. Его жена, Анна, педиатр, была такой же тихой и мало разговорчивой. Она могла обсудить с кем-нибудь из женщин контракта кулинарные вопросы и на этом ее интерес ограничивался.

– Внимание, – громко произнес почтальон, – раздаю письма.

Все притихли в ожидании и с надеждой услышать свою фамилию. В этот момент Иван ощутил комок в горле, он напрягся как струна и вдруг услышал: «Белецкий, два письма». Он взял эти два драгоценных белых конверта, увидел знакомый размашистый почерк близкого ему человека, инстинктивно как-бы сохраняя от других, прижал к груди и отошел в сторону.

– От жены? – спросил Юрий. – Вот это да, не успел прилететь и уже два письма. Ну, нам то ждать нечего. От нашего оболтуса скоро не дождешься.

– Подожди, не мешай слушать, – шикнула на него Валентина.

Прошла их буква алфавита «И», но писем не было. Валентина сникла.

– Не расстраивайся, – подбодрил ее Иван, – в следующий понедельник получите обязательно. Ну, я, пожалуй, пойду. Интересно, какие там новости в Москве.

Иван пришел к себе в комнату, закрыл дверь, завалился на кровать и начал читать письма.

«Здравствуй, мой дорогой, любимый Ванечка! Прошло всего лишь несколько дней, как ты улетел в Кабул, а я уже успела соскучиться по тебе. Все свободное время просиживаю за телевизором, внимательно слушаю все последние известия, все, что происходит в Афганистане. Ты сам знаешь, какие скудные новости преподносят нам. Вот я и переживаю, не зная толком, как там дела. Ходила к нашим соседям, чекистам, расспрашивала, может у них есть какие новости. А они отвечают, что надо слушать радио и смотреть телевизор. Смеются надо мной и успокаивают, говорят, что с тобой там ничего не случится. Я очень тяжело переживаю разлуку с тобой. Не могу представить себе, что до нашей встречи еще четыре с половиной месяца. Извини за подробное письмо, за описание моих переживаний. Мне так становится легче, как будто поговорила с тобой. Новостей особых нет. Ирина продолжает ходить к репетитору, скоро у них „последний звонок“, потом экзамены. Она спокойная, а я волнуюсь. С твоей работы никто не звонил. Наверно, еще слишком мало прошло времени. Пиши мне подробно о себе, о том, как там у вас поют птицы, как ты устроился, как твоя работа. Мне все интересно. Целую тысячу раз. Любящая тебя Людочка».

Иван свернул исписанные крупным почерком листы и положил их в конверт. Откинулся на подушку, посмотрел в потолок, постарался представить все, что сейчас происходило в его доме в Москве, переварить все те чувства жены, изложенные в письме. Потом он встал, достал бутылку сухого вина, отлил в стакан, сделал несколько глотков и приступил к чтению второго письма. Прочитав первые два листа, он понял, что в доме все без изменений, а жена очень скучает и переживает его отсутствие.

Завтра утром у себя в офисе Иван непременно составит ответное письмо. Но о чем писать? Ничего важного или интересного у него не случилось, особых переживаний он не испытывает. Но Иван понимал, что жена сейчас больше, чем он нуждается в поддержке и ему придется подыскать такие слова, чтобы успокоить ее, снять с нее первую волну переживаний за любимого мужа. А в том, что он любим женой, Иван не сомневался ни на йоту.

На следующее утро, перед тем как разъехаться по объектам наших специалистов ждала очень важная и приятная процедура. Доктор Колесников, исполнявший общественные обязан-

ности казначея контракта, составлял ведомость заказов на структуру зарплаты. Это означало, что каждый специалист по собственному усмотрению должен был разделить свою месячную зарплату на три части: деньги в чеках для отправки в банк, деньги в чеках для получения на месте наличными, деньги в афганях. Последние оставляли для покупки продуктов питания и других товаров в Кабуле. Чеки обычно отправляли в Союз своим родным, чтобы они там могли воспользоваться магазинами сети «Березка», в банк отправляли для накопления. Иван решил, что первая его зарплата будет разделена следующим образом: 1000 чеков – в банк; 500 – отправит с кем-нибудь Людмиле, они ей сейчас пригодятся, остальные, а это порядка 500 рублей или 6500 афганей – на внутренние нужды.

Приехав к себе в офис, Иван решил подготовить ответ на полученные письма от жены. После благодарностей за переживания и краткого описания условий проживания Иван сообщил ей, что скоро она получит пятьсот чеков с кем-либо из специалистов его контракта. Каждый приезжающий в отпуск останавливается в Москве с обязательным визитом к Хортицкому Федору Ивановичу, руководителю медицинских контрактов в Кабуле. С кем именно он передаст чеки, узнает позже, и непременно сообщит в письме. Затем следовали поцелуи и просьба не волноваться излишне за его безопасность. Здесь, в Кабуле, все спокойно. Позже пришла Шахида и заняла свое любимое место у стола Ивана. Так она могла показывать ему свой классический (это было ее мнение) профиль и улыбаться Ивану время от времени. Говорили о предстоящем преподавании дари. Юрий не дождался прихода Шахиды и попросил Ивана договориться обо всем самому. Речь шла о разговорной речи, ибо чтением и письмом овладеть в короткие сроки практически невозможно. Правописание букв в восточных языках очень сложное, да и смысла в этом не было. Никто из учеников не собирался писать письма или статьи на дари и, тем более, читать книги или газеты. Сочли, что двух дней в неделю будет вполне достаточно, а начать стоит с наиболее употребимых слов и выражений, которые ученики будут записывать на русском языке. Первое занятие назначили на среду, сразу после возвращения с работы.

Во время обеденного перерыва, после того, как Иван съел приготовленный им борщок с говяжьей тушенкой, к нему в комнату пришла Алла. Усевшись на краешек его кровати, она поинтересовалась его самочувствием и, услышав заверения в полном его здравии, она сообщила ему, что милая Таня, жена архитектора, заходила к ней и просила, чтобы Иван посетил ее в обеденный перерыв. Она сейчас одна, ее муж уехал в командировку в какой-то город в Афганистане. Татьяна заболела и просила Ивана посмотреть ее.

– Ну что ж, раз просит, значит нужно посмотреть.

Иван встал с кровати, подвинув при этом чуть-чуть Аллу, сидевшую тут же на краешке, открыл шкаф и достал фонендоскоп и тонометр. Проверить артериальное давление и послушать легкие и сердце – это первое, что мог сделать врач при осмотре пациента.

– А что с ней, она не сказала?

– Нет, она только просила, чтобы все это осталось между нами. Вот почему она не обратилась к другим врачам.

– Понятно, – кивнул головой Иван, взял инструменты и направился к двери.

– Иван, а ты сможешь потом и меня посмотреть?

– Ты плохо себя чувствуешь, заболела? А потом, ведь у тебя муж врач. Он тебя видит каждую ночь, не так ли.

– Знаешь, говорят: «сапожник без сапог». А потом, какой он врач, он анестезиолог, даже не хирург. Что он умеет, давать наркоз?

– И это не мало. Правильная анестезия – залог успеха хирурга и безопасность пациента.

– Пусть так. Но все же, посмотришь меня?

– Хорошо, когда вернусь с работы.

Иван поднялся на четвертый этаж, где жила Татьяна, и позвонил в дверь. Щелкнул замок и послышалось приглашение войти. Сама Татьяна была чуть в стороне, с головой покрытой капюшоном от домашнего халата.

– Проходите, пожалуйста, в комнату.

Иван вошел в квартиру, Татьяна проследовала за ним.

– Прошу вас, садитесь.

Иван сел на стул, стоящий у стола в большой комнате и повернулся к Татьяне. Та оставалась стоять, низко наклонив голову. Ивану показалось, что она что-то скрывает на своем лице.

– Прошу вас, сядьте сюда, поближе ко мне и расскажите для начала, что с вами случилось.

Татьяна придвинула стул к Ивану, села и резким движением подняла голову, сбрасывая с нее капюшон. Иван еле сдержал эмоции: на прекрасном лице молодой женщины он увидел припухлости и покраснения, отдельные узелки и мелкие высыпания. В глазах Татьяны появились слезы.

– Видите, доктор. Что это? – Татьяна слегка всхлипнула и отвернулась. Она порывисто встала со стула и отошла к окну. Иван увидел, как закачались ее плечики, покрытые халатом.

– Успокойтесь, прошу вас. Не надо плакать. Ничего страшного пока я не вижу. Расскажите мне по порядку, когда это случилось, имелись ли у вас необычные контакты, какие ощущения вы испытываете? Здесь важны любые подробности. И, кроме того, вы должны мне полностью довериться, что бы я мог увидеть все, что вас беспокоит.

Иван взял женщину за вздрагивающие плечи и повернул ее лицом к себе. Татьяна порывисто спрятала свое лицо, опустив голову на грудь Ивана. Она все еще продолжала всхлипывать.

– Ну, перестаньте, пожалуйста. Рассказывайте, а я пока посмотрю ваши повреждения на лице. – При этом Иван нежно отстранил припавшую к его груди Татьяну, приподнял ее голову, повернул к свету и стал рассматривать ее милое личико, покрытое этой ужасной эритемой с изобилием мелких прыщиков и сыпи. Разные мысли пронеслись в голове Ивана – врача. Первое о чем он подумал, это был фотодерматит с аллергическим компонентом. Хотя конечно это могло быть и другое заболевание. С такой клинической картиной это могло быть и системный коллагеноз и коревая краснуха и, наконец, сифилис. Последний диагноз он сразу отбросил. «Откуда здесь такое?» Но все же решил, что следует детально расспросить и осмотреть Татьяну.

Перестав плакать, Татьяна поведала Ивану, что в пятницу, перед отъездом мужа в командировку в Мазари-Шариф они много гуляли по микрорайону, и она все время подставляла лицо солнцу, хотела загореть, ведь скоро ехать в Москву в отпуск, а она с бледной кожей на лице. Купили на маркете разных овощей, фасоли, красный перец, вечером сварили лобио. Все было хорошо. А к утру почувствовала жжение кожи лица и груди. Потом это ощущение распространилось на спину и ниже, внутренние поверхности бедер. Она не могла спать. Тихо встала, чтобы не разбудить Вадима, пошла в ванну, посмотрела в зеркало и ужаснулась. Вся красная и обсыпанная мелкими пузырьками, потом почувствовала жуткий зуд, стала чесаться, появились расчесы. Она понимала, что чесаться нельзя, будет еще хуже, но сдерживать зуд было невозможно.

– Когда проснулся муж, я показала ему свое тело. Он пришел в недоумение. Стал ворчать на меня, что вечно со мной что-нибудь случится необычное. Велел никому не показывать и не рассказывать, чтобы не пошли всякие слухи, и не дошло до руководства посольства. Здесь могут быть всякие инфекции. Сама понимаешь, – сказал он, – нас просто вышлют отсюда и все. Он уехал, а я осталась одна без помощи и в полной изоляции.

Татьяна опять начинала плакать. Из ее карих глазок потекли первые слезинки. Иван подошел к ней, обнял за плечи, привлек к своей груди и попытался успокоить ее.

– Ничего страшного пока что нет, и мы обязательно что-нибудь придумаем. Обращаться пока что ни к кому не надо. Может получится «много шума из ничего». Но мне надо вас тщательно осмотреть. Если у вас есть эти проявления на других участках тела, прошу вас позволить мне их увидеть. Это важно и не надо стесняться. Я врач.

– Конечно, доктор. Вот посмотрите: здесь и здесь.

Она сняла халат и осталась в одних трусиках, предложив Ивану увидеть высыпания в разных местах ее тела, включая и грудь, и внутренние поверхности бедер. Иван в свою очередь, стал исследовать эти высыпания, как когда-то его учили на кафедре дерматологии. Он нежно прикасался к поврежденным поверхностям кожи, растягивая отдельные участки, исследуя высыпания на наличие жидкости, обнаружение которой могло бы помочь Ивану поставить диагноз. Кожа была сухой и горячей. Во время осмотра Татьяна вздыхала время от времени, но сохраняла молчание.

– Это все? А как в закрытых частях тела? Мне надо увидеть все.

– Там тоже, доктор? Смотрите.

Она немного спустила трусики, повернулась к Ивану задом, затем передом. Отдельные участки кожи и здесь имели покраснение и высыпания, особенно в местах соприкосновения с одеждой.

– Так, милая моя, одевайтесь. Мне, конечно, жаль, что такое прекрасное тело оказалось в эритеме и с высыпаниями. Оно должно было быть покрыто поцелуями и ласками. Но мы что-нибудь придумаем. Безусловно, здесь присутствует аллергический компонент. У вас определенно повышенная чувствительность или сенсibilизация к каким-то антигенам, с которыми вы, к сожалению, здесь встретились.

Иван посмотрел в приоткрытое окно, из которого доносился аромат каких-то цветов, растущих под окном. Это было дерево граната, цветы уже отцвели, но что-то продолжало издавать дивный аромат. Этот аромат тоже мог стать причиной сильной аллергической реакции. Перец, купленный вчера на маркете, или еще какая-то пища, включая экзотическую, также могут стать аллергенами. Ну и конечно, мощная ультрафиолетовая радиация солнца в этих широтах могла спровоцировать эту реакцию. Итак, эритема и эксфолиативный дерматит с аллергическим компонентом – вот первичный диагноз, который требует подтверждения. Но без специальных лабораторных исследований уточнить пока не возможно. Главное, можно успокоить мужа, что никакой инфекции нет и бояться огласки не следует. Все это Иван изложил Татьяне. Та немного успокоилась, как показалось Ивану, а потом даже улыбнулась, сказав ему:

– А я глупая все это время мечтала о тебе, Ванечка. Вот, думала, Вадим уедет в командировку, и я приглашу тебя к себе. Это желание разгоралось во мне день ото дня и вот, вместо моей мечты, эта болезнь. Правда, смешно.

Иван ничего не ответил, только погладил ее по пышным соломенным волосам и нежно обнял за талию.

– Это не смешно, а чудесно. Быть приглашенным к себе такой милой женщиной – это скорее удача. Если бы это случилось, я бы сгорел от счастья. А пока я передам с Аллой лекарства, которые смогу достать для тебя.

Иван откинул прядь волос на ее тонкой шейке и поцеловал, выбрав участок кожи без высыпаний и эритемы. Затем закрыл окно, под которым росло пахнущее дерево, и не велел его открывать, пока. Запретил есть острую пищу, особенно местную, тщательно промывать овощи после использования бактерицидного «корейского» мыла, не пользоваться первое время стиральным порошком.

Иван торопился на службу. Было уже почти два часа по полудню. Обеденный перерыв закончился. Пока шел к месту сбора, размышлял про себя. Признание Татьяны в своем желании пригласить его к себе явилось сладким осадком на его душе. Значит, он понравился такой красивой женщине. Хотя, что в этом необычного. Он вспомнил свои любовные романы с Юлей

и с пани Анной, наконец, со Светланой или Сонечкой в Софии (подробности читайте в книге автора «География любви»). Все они были если не красавицами, то очень симпатичными и милыми. Да и жена Ивана, Людмила была тоже очень привлекательной женщиной, которую он, безусловно, любил и ценил как друга и спутника жизни, как мать своего ребенка. Но это все было в прошлом, а Татьяна была сейчас, здесь, всего лишь одним этажом выше. «Интересно, – подумал Иван, – если бы она не заболела, как бы нашла способ пригласить меня, разве лишь через Аллу? Да и Алла тоже интересная женщина. Ее отношение или даже приставания ко мне ставят меня в тупик. Она жена моего товарища по работе. Разве можно допустить любовную близость с ней? Вот теперь хочет, чтобы я ее осмотрел как врач или как потенциальный любовник. Она хочет показать мне свои женские прелести, понравиться мне. Может быть, все это ни к чему? Может быть, нужно дать ей понять, что близость между нами невозможна? Хотя, все это очень любопытно. И вообще это никакая не измена, а просто так, любопытство и баловство».

Ближе к концу рабочего дня появился Саид. Собственно, он был основным переводчиком в группе специалистов, располагающихся в офисе Минздрава ДРА, но в связи с ранением своей жены, вынужден был оставаться дома и ухаживать за ней. Это вынужденное отсутствие Саида было согласовано с руководством контракта, но, все равно, он чувствовал себя виноватым за причиненные неудобства в связи с отсутствием переводчика. Лично Иван не ощутил на себе этих неудобств, так как общался со своим подсоветным Закиром на английском языке, да и руководитель департамента гигиены Айдар тоже свободно общался на английском. Вот Мановскому и особенно Кирияку приходилось туго. Если Мановский, считая себя важной персоной, по крайней мере, делал вид, что немного понимает по-английски, то Кирияк признался, что он английский никогда не учил и совсем его не знает. Нередко до появления Саида Ивану приходилось помогать ему с языковыми проблемами. Пришедший Саид принес пачку зеленого чая и прежде всего, принялся его заваривать.

– Это особый чай, – говорил он, – я его купил на Шахринау. Если понравится, то можно всегда его покупать там.

Шахринау – это центр благоустроенного Кабула. Относительно благоустроенного. Здесь был укатан ровным слоем асфальт, практически не было выбоин. Дома имели вполне приличный вид, во всех окнах были вставлены стекла. А главное, на этой улице было множество магазинов, торгующих разными вещами от различной одежды, до косметики, драгоценных и полудрагоценных камней, бижутерии и всякой мелочи, до японской радиотехники и компактных кассет с магнитофонными записями. Обычно по пятницам советские специалисты организованно выезжали туда с женами или без, но со справкой от руководителя контракта, которая являлась своего рода пропуском на пребывание в этой части города.

Когда пили чай, Саид объявил всем, что его жена практически выздоровела и в честь этого, а также в связи с его отъездом в отпуск он приглашает всех к себе на плов в ближайшую пятницу. По рекомендации торгпредства Саид решил отвезти жену и троих маленьких детей, которые сейчас были с ним, к себе домой, в Душанбе. Здесь сложно и как выяснилось небезопасно быть с такой большой семьей. По мнению большинства, это было правильное решение.

«Вот с кем я смогу передать чеки для своей Людмилы и хорошо бы купить камушки, пусть даже не дорогие, ей было бы приятно их получить, как подарок от мужа из Кабула», – решил Иван, а Саида спросил, есть ли на Шахринау фирменная аптека с импортными лекарствами. Получив положительный ответ, он попросил Саида съездить с ним сейчас, так чтобы к концу дня успеть вернуться в офис. До Шахринау оказалось совсем недалеко, не более 10 минут езды. В аптеке Иван спросил фармацевта современное антигистаминное средство. Фармацевт, свободно говорящий по-английски, предложил Ивану на выбор несколько. Все они носили торговые названия и были неизвестны Ивану. Он попросил вкладыши с описанием международных названий и состава препаратов. Сделав выбор, он оплатил его, отметив высо-

кую цену по сравнению с аналогичными отечественными препаратами. Через десять минут они вернулись в офис.

Придя домой, Иван встретил Аллу встревоженной. Она проследовала за ним в комнату и хотела расспросить его о состоянии Татьяны. Иван не был расположен к обсуждению этого вопроса, тем более что Татьяна просила его оставить все в тайне. Излишнее любопытство Аллы насторожило Ивана, и он решил, что будет лучше, если сам отнесет купленное лекарство.

– Сейчас я поднимусь к Татьяне, я купил ей лекарство, а потом поговорим.

– Постарайся недолго. Может быть, ты даже успеешь посмотреть меня до возвращения Анатолия.

– Может быть, – сухо ответил Иван и поспешил на четвертый этаж.

Дверь открыла Татьяна, пригласила пройти в комнату. Вид у нее был весьма угрюмый, лицо она прикрывала капюшоном халата, как и утром.

– Я ждала Аллу, как ты сказал.

– Нет, я счел, что будет лучше, если я приду сам, дам пояснения, как принимать лекарство. Я думаю, это хорошее средство, сделано в Швейцарии, обладает мощным антигистаминным эффектом, и не так токсично, как отечественные аналоги.

Иван выложил на стол коробку с лекарством и рядом положил чек из аптеки с указанием цены. Татьяна взяла чек, посмотрела на фирменный бланк аптеки, на цену.

– Спасибо. Где ты такое нашел?

– Специально ездил на Шахринау. Там есть фирменная аптека, и провизор говорит на английском языке, хотя и афганец. Мы вместе с ним выбрали именно это средство. Я объяснил ему твои симптомы, сказал, что я врач, но не аллерголог, что я твой друг. Он понял меня и помог мне сделать правильный выбор.

– Я не знаю, как тебя благодарить. Ты так добр ко мне. Если бы я поправилась, – со вздохом сказала Татьяна и прикоснулась рукой к плечу Ивана.

– Днем было мало времени, я торопился на работу и не все успел сделать, что нужно в таких случаях. Я должен посмотреть горло и лимфоузлы. Это важно для постановки диагноза. Да, кстати, в детстве ты болела корью и краснухой?

– Корью точно помню, болела, а вот краснухой не знаю. Я вообще болела всеми детскими болезнями.

– А раньше, в Москве, у тебя бывали случаи аллергии, например, на какую-то определенную пищу?

– Да, весной иногда появлялся зуд и отдельные высыпания, после солнечного загара я тоже испытывала неприятные ощущения, помимо боли и отеков. Но чтобы так, как на этот раз, такого еще не было.

Иван попросил открыть рот и осмотрел зев и миндалины. Миндалины были слегка увеличены, а зев – красный. Но никаких специфических проявлений, какие можно было бы заметить при некоторых инфекционных заболеваниях, он не обнаружил. Потрогал миндалины на шее, затем попросил разрешение посмотреть лимфоузлы, для чего Татьяне вновь пришлось снять халат до пояса. Представ перед Иваном с обнаженной грудью, она испытала стеснение.

– Доктор, я скоро совсем престану тебя стесняться.

Иван ощупывал лимфоузлы шейные, затылочные, подмышечные, в области груди. При этом он старался быть максимально внимательным, потому и не спешил. Нежно приподнял левую, потом правую грудь, слегка помяв их. Увеличенных лимфоузлов и уплотнений грудных желез он не обнаружил.

– Сейчас я врач и стесняться меня не следует.

– Доктор, а эти мои высыпания – это не инфекционное заболевание. Я не заразна?

– Не заразна, – твердо сказал Иван.

– Если так, то поцелуй меня, пожалуйста, в губы, – с долей лукавства попросила Татьяна.

Иван взял ее за плечи, притянул к себе и страстно поцеловал ее. Потом наклонился к груди и поцеловал сначала левый, потом правый сосок. От поцелуев, они мгновенно напряглись, окружив себя нежным розовым ореолом. Иван еще раз поцеловал ее в губы.

– Больше сомнений нет?

– Ах, как это хорошо. Я хочу скорее выздороветь и вновь встретиться с вами.

– Я тоже. Но пока позволь мне дать тебе рекомендации по приему лекарства, – Иван открыл коробку, взял инструкцию на английском языке и вслух стал переводить ее, – здесь сказано, что принимать надо по одной таблетке утром и вечером, запивая большим количеством воды. Хочу также напомнить, что душ пока принимать нельзя, лучше обтираться влажным полотенцем. Никаких грубых воздействий на кожу. Если появятся какие-нибудь нежелательные эффекты, сообщи мне или Алле.

Иван понял, что сейчас пришло время расстаться со своей пациенткой, так как она была чертовски хороша, даже несмотря на покраснения и высыпания. Да и Татьяна, как показалось ему, тоже расположена к любви с ним. Попрощавшись, Иван поспешил на выход. Алла уже его не ждала, так как пришел Анатолий и она кормила его обедом, а заодно и ужином. Иван решил тоже подкрепиться. Обещанный разговор с Аллой, а тем более осмотр ее как пациента не состоялись.

Глава 5. Первые страхи и развлечения

На следующий день вечером состоялось первое занятие по изучению дари. Шахида выглядела превосходно. Группа разместилась в «красном уголке» контракта. Это была довольно просторная комната со столами и стульями, которая могла бы вместить всех специалистов контракта. Но учеников было только двое: Юрий и Иван.

С чего начать, наверно с наиболее важных и часто встречающихся слов. Это были: здравствуйте, до свидание, спасибо, пожалуйста, работа, дом, рынок, далее пошли разные овощи, такие как картошка, лук, морковь, капуста. Потом перешли на счет: один, два и так до десяти. Потом решили, что для первого раза достаточно, так как язык трудный для запоминания европейцем.

Иван смотрел на Шахиду и любовался ею. Она не могла не заметить его заинтересованного взгляда и лучезарной улыбки, которой он то и дело ее одаривал.

– Вы имели успех у своих учеников? – спросил Иван.

– Они были еще совсем маленькие, учились в шестом и седьмом классе. Я им преподавала английский язык. Вы знаете, они были очень способными к языку, схватывали и запоминали на лету. А вот русский язык для них был сложным.

– А где вы так хорошо изучили русский язык?

– У нас в семье все говорили на русском, а вот муж говорил только на своем родном языке, на узбекском.

– Так вы знаете и узбекский язык? – удивился Юрий.

– Узбекский для меня тоже родной язык. Я по национальности узбечка, но живу в Душанбе. Так уж получилось.

– А где лучше жить в Узбекистане или Таджикистане? – не унимался Юрий.

– Нельзя сравнивать. По уровню культуры Узбекистан гораздо выше Таджикистана.

Все, что рассказывала им учительница Шахида, было интересно и незнакомо для ее учеников. Вряд ли кто-нибудь из нас задумывался над тем, какие взаимоотношения между «братскими» республиками. Оказалось, что не все так просто, не все стоят в одном ряду в стране советов. После занятий Иван проводил Шахиду до ее подъезда. Им было по пути. За те пять минут, что они шли рядом, Иван успел поведать Шахиде о том, какая она замечательная женщина, и красивая, и умная, и обольстительная. Та молча слушала, улыбалась, а под конец сказала, что все это она хотела бы сообщить Ивану, поскольку он также умен, красив и обольстителен. Прощаясь, Иван сказал, что он надеется на скорую встречу с ней за пределами их служебных обязанностей.

В четверг вечером в дверь квартиры Ивана раздался звонок. На пороге появился крупный мужчина, с выдающимся животиком и овальными щеками. На голове прическа «под ежик».

– Гончарук Алла дома? – спросил он Ивана.

– Проходите, она на кухне.

– Я Бабкин Николай Иванович, вы меня не помните?

– Ах, да, помню. Старая площадь, инструктаж.

– Верно. Ваша фамилия Белецкий. Ну, как, привыкаете.

– Как будто пока проблем нет.

– На самом деле проблемы есть. – Бабкин прошел на кухню, поздоровался с Аллой и сел за стол. Алла занималась приготовлением ужина, и сейчас завидя высокого гостя, испугалась, сняла передник, спросила:

– Что-то случилось, Николай Иванович?

– Да, нет, к счастью. Пришел сообщить, чтобы вы не ждали вашего мужа сегодня на ночь. Обстановка под Кабулом сложная, идут бои с душманами, привезли много раненных

наших бойцов, пришлось привлечь хирургов нашего контракта. Так что, закрывайтесь, никуда не ходите и никому не открывайте. У хирургов работы хватит на всю ночь.

– Может быть, чаю, Николай Иванович?

– Спасибо, пойду. Мне еще надо предупредить жену Кирсанова, кстати, как ее зовут, запамятовал?

– Наталья Кирсанова.

– До свидания, спокойной ночи, – попрощался Бабкин и, уходя, посмотрел на Ивана, – у тебя оружие есть?

– Нет, еще не получил.

– Ну, ничего, закрывайся и никому не открывай. Все.

Иван вернулся на кухню. Он тоже занимался приготовлением ужина.

– Значит, сегодня будим ужинать без Анатолия, – проговорила Алла, посмотрев на Ивана, – и спать будим одни. Что же все-таки там происходит. Весь день где-то там, за горами, отдаленная канонада и я видела, самолеты у гор пролетали парами. Знаешь, как интересно, стремительно пролетают среди полной тишины и только потом, когда они уже скрылись за горами, раздается шум их двигателей. Ты раньше не замечал такое?

– Замечал. Это ведь сверхзвуковые самолеты. Наверно, неприятно душманам, когда среди полной тишины как дьявол проносится пара таких самолетов?

– Надо думать.

Алла готовила борщ на завтра, а Иван жарил картошку.

Вновь раздался звонок в дверь.

– Открывать? – спросила Алла.

– Конечно, ведь еще не ночь. Я открою.

Иван посмотрел в дверной глазок. Перед дверью стоял мужчина. Присмотревшись, Иван узнал в нем Вадима, мужа Татьяны.

– Добрый вечер, – приветствовал хозяев, вошедший Вадим, – я на минуту.

– Проходи, пожалуйста. Лучше сюда, в большую комнату. Присаживайся. Как там Татьяна?

– Я только два часа как вернулся с командировки. И застал Татьяну в хорошем расположении духа. Краснота почти сошла, высыпания тоже, лицо почти совсем чистое. Она хотела тоже прийти к вам со мной. Но я остановил ее – пока рано. Вот выздоровет совсем, тогда и придем. А пока, я хотел бы поблагодарить тебя, Иван, как доктора и как человека. Татьяна сказала, что ты волшебник.

– Она сильно преувеличивает мои заслуги. Я всего лишь предположил диагноз и соответственно подобрал препарат. Ну, съездил в английскую аптеку и купил. Что ж тут особенного?

– Все равно, спасибо большое. Вот деньги за лекарство. А это в знак благодарности. Здесь принято дарить друг другу водку. Как ты на это смотришь?

– Я? Положительно, если мы разопьем ее вместе.

– Что ж, не возражаю. Ты один?

– Нет, вдвоем с Аллой, готовим ужин, слышишь, гремит посудой?

– А Анатолий, еще не вернулся?

– У них много раненых, когда вернется неизвестно. Пойдем на кухню, и пока жарится картошечка, расскажи о своих делах в Мазари-Шариф.

Алла приветствовала Вадима, отбросив свои кухонные принадлежности. Увидев в его руках бутылку «Столичной», оживилась, готовая принять участие в пиршестве.

– Вот, пришел поблагодарить Ивана за Татьяну. Она выздоравливает, и послала меня сказать спасибо. Ты тоже принимала участие в ее выздоровлении, так что прошу, присоединяйся.

Через десять минут все было готово, и даже зеленый лучок и баночка сайры на закуску. С помощью Аллы стол превратился из казенного места для приема пищи почти в празднич-

ный. Вадим поведал о своих градостроительных проблемах. Будучи москвичом, он оставался большим скептиком на перспективы архитектурного преобразования и благоустройства городов Афганистана.

– Самое неприятное в моей работе состоит в том, что я вижу отношение самих афганцев к преобразованию городов. Им этого ничего не нужно. Их устраивают глинобитные дома и канализация в виде уличных канав за заборами домов. Развитие транспортных сетей их также мало волнует. Ослики и тележки и переполненные автобусы. Главное, чтобы никто их не волновал и не тревожил их устоявшийся быт. «Парванис», на все отвечают они, пусть все будет, так как есть. Вот такой это народ.

– Не наша это проблема переделать нравы и образ жизни нации и целого народа, – заметил Иван, – я думаю, что история сама разберется с этими проблемами. А мне сейчас хотелось бы выпить за полное выздоровление Татьяны. Жалко ее. Такая красивая женщина и страдает аллергией. По возвращении надо будет тебе, Вадим, серьезно этим заняться.

– Спасибо, Иван за добрые пожелания. Мне на следующей неделе предстоит еще одна командировка, на этот раз в Кундуз, а потом мы поедим в отпуск. Там и займемся Татьяной. Хорошо, что этот случай не стал достоянием общественности и руководства. Спасибо, еще раз.

Выпили, закусили, и Вадим заторопился к жене. Все-таки он только сегодня вернулся из командировки и она, бедняга, все это время была одна.

– До отъезда в отпуск еще увидимся, – сказал Вадим, перед тем как уйти.

– Хороший он мужик, прямой, хотя и немного зашуганный начальством, – заключил Иван в след ушедшему Вадиму, и жена у него тоже славная женщина.

– А я, по твоему, тоже славная женщина или нет? – задала вопрос Алла как бы в укор Ивану на похвалу Татьяны.

– Ты прелесть. Анатолию просто повезло с такой женой. Веселая и симпатичная, а он все время угрюмый.

– Работа у него такая, во всяком случае, он сам так объясняет свою угрюмость и молчаливость. Вот сейчас вдобавок ко всему на него навалили новую заботу. Его сделали руководителем контракта. А зарплата остается прежней.

– Вот как, а я и не знал. Он молчун, но ведь ты говорливая, а тоже не сказала. Впрочем, какая мне разница. Я Бугрова не знал. Разное о нем говорили. Ведь он сегодня уезжает?

– Да, а мы въезжаем в его квартиру. Это будет у нас постоянное жилье, не то, что сейчас, с подселением.

– Намекаешь на меня? Что ж, значит, и я останусь один. В этом тоже есть свое преимущество. Ну, ладно. Давай отметим назначение твоего мужа. Ты теперь будешь дама номер один в нашем контракте. Вот увидишь, как изменится отношение большинства к тебе, особенно женщин.

Иван разлил остатки водки, не допитой еще с Вадимом. Подняли стаканчики за Анатолия, выпили. Восстановилась тишина. Алла почувствовала, что их отношения с Иваном заметно ухудшились и они близки к ссоре.

– Я как подумаю, что мы разъедемся, и не будем вместе «щи хлебать», меня ужас берет. Я умру без тебя. Мне нужно видеть тебя каждый день, говорить тебе «спокойной ночи», а утром пить с тобой чай. Ты даже не знаешь, что я по ночам тайком от мужа встаю с постели и подхожу к твоей двери, прислушиваюсь, иногда открываю дверь и смотрю на тебя спящего. Я знаю, что это не хорошо, что этого делать нельзя, но ничего не могу с собой поделать. Мне незнакомо это чувство. Я не знаю как себя вести с тобой, потому мое поведение порой выглядит глупо, я это сама чувствую. У меня не было любви. К Анатолию я тянулась недолго, других мужчин у меня не было. Никто не встретился. И вот теперь ты, такой знатный, красивый, умный, настоящий москвич, доктор наук. Я порой смотрю на тебя и думаю, зачем мне это наваждение. Я не гожусь для тебя, не хватает внешних качеств. Вот если бы я была такой же красивой, как Татьяна, я

могла бы рассчитывать на твои чувства. Да и то, зачем это. Только боль и печаль останутся. Ведь не бросишь своего, да и ты не оставишь жену, правда?

– Что-то неожиданно много ты поведала мне. И почему я должен оставлять жену, с какой стати? И почему у тебя останутся боль и печаль? Что-то я не все сразу понял из того, что ты мне сказала. Наверно, устал. Пойдем лучше спать.

Иван встал, взял свою тарелку, чтобы вымыть ее.

– Оставь, я все уберу сама. Иди, отдыхай, никто тебе не мешает. Спокойной ночи.

Голос Алла был грустным и печальным, чувствовалась какая-то обреченность или безнадёжность. Через несколько минут они уже были в постели, каждый в своей. Свет был погашен везде, как того требовала система безопасности, но за окном была полная луна и ее свет проникал в спальню Аллы. Она лежала в ночной сорочке, раскинувшись на широкой кровати, и думала о своих чувствах к Ивану, вспоминала и анализировала то, что только что наговорила ему. Это был последний рубеж. Она понимала, что через день – два они съедут с этой квартиры и все надежды на неожиданное счастье рухнут совсем.

Она с горестью представляла себе, что ее поле любовных чувств еще никем толком не было вытоптано, лишь кое-где были видны тонкие тропки, обозначенные измятой травой. Да и то по этим тропкам ходил лишь один и тот же человек – ее муж. А как сочно поднялась зеленая трава, и зацвели полевые цветы, тревожащие своим тонким ароматом женскую душу. И вдруг такое явление. Она все правильно сказала Ивану. Ей все больше казалось, что это не обыкновенный человек, а какой-то особенный, отличающийся от других, ею совсем непознанный и потому желанный. Она все больше влюблялась в него, все больше стремилась к нему и не знала, как поступить, как выразить свою страсть и заботу о нем, что бы он понял, дорогой ей человек, единственный и любимый. Как сказать ему, что она любит его и безумно хочет близости с ним. И вот этой ночью появилась такая возможность. Они одни в квартире, стоит только позвать его или самой прийти к нему. Но как набраться смелости, а если он не поймет ее и оттолкнет. Но, нет. Он такой интеллигентный и нежный.

Сильный удар и раскатистый грохот разрыва потряс дом, зазвенели стекла. Потом вновь и вновь: сначала свист, потом удар и грохот, шум осколков или земли, как будто ударяющихся прямо о стены их дома. Так продолжалось минут пять, приближаясь или немного уходя в центр города. Алла сжалась в оцепенении. Чувство страха и безнадёжности овладело ей. А что, если снаряд попадет в их дом или еще хуже – в их квартиру, и все, гибель, разорванные тела. И зачем все это надо. Чрез минуты постоянного грохота и шума осколков или комьев земли она вспомнила про Ивана. Как он там, один? Откинула одеяло, порывисто встала и в чем была быстро подошла к двери комнаты Ивана.

– Ты не спишь?

– Да, заснешь тут, – ворчливым голосом ответил Иван, как будто Алла была виновата во всех этих неприятностях.

– Мне страшно, Иван, – сказала она, присев на край кровати, протянула ему руки и припала на грудь, – идем ко мне. Вдвоем не будет так страшно.

Иван обнял прижавшуюся к нему Аллу. Ее распущенные волосы опустились ему на лицо, от них веял какой-то незнакомый, но приятный аромат. Новый взрыв совсем рядом раздался с оглушительной силой.

– Это наверно на стадионе, как ты думаешь? – спросил Иван и еще крепче обнял Аллу.

Вместо ответа она поцеловала его в щеку, потом в губы, шею, грудь. Сердце ее колотилось с бешеной силой. От страха или от желания, которая она испытывала в этот момент.

– Идем ко мне, там мы будем вместе. Вдвоем не так страшно.

– Пойдем, – сказал Иван, – может быть действительно вдвоем будет не так страшно.

Алла откинула полог одеяла и предложила Ивану лечь. Сама сняла ночную сорочку, оставшись нагишом, и нырнула тоже под одеяло. Крепко прижалась к нему всем телом, уткнув-

шишь в грудь лицом. Новый взрыв отразился в дребезжащем звуке окон. Алла застыла на мгновение, притаилась, как бы стараясь спрятаться от беды. Иван погладил ее спину, опустился ниже. Страх, конечно, сильное чувство, но ощущения обнаженного женского тела, трепещущего в твоих объятиях, оказался выше страха. К тому же грохот несколько переместился в сторону, за ближайшую гору. Страх постепенно покидал их и на смену ему нарастали вполне естественные желания любовной близости, которые только могут возникнуть при первом любовном контакте двух симпатичных друг другу существ. Иван ушел к себе, когда обстрел совсем стих и в окнах забрезжил рассвет.

Утром сквозь сон Иван услышал, как пришел Анатолий. Он пил чай и что-то рассказывал жене. Говорил тихо, наверное, потому, что не хотел будить Ивана, а может быть просто не хотел, чтобы Иван слышал его слова. Тот и не стремился их слышать. Он повернулся на другой бок, и сон вновь сморил его. Была пятница, джума, выходной день у мусульман, а значит и у советских специалистов.

По пятницам давали горячую воду, и Алла решила затеять стирку. Иван проснулся от шума льющейся воды и вспомнил все, что было прошлой ночью: и обстрел и Аллу в постели с ним. Двойственное чувство посетило его. И если нельзя было избежать обстрелов города душманами, то уклониться от страстных приставаний Аллы было вполне возможно. Тем более что скоро они съедут с этой квартиры, и он останется совсем один. Он вдруг почувствовал облегчение, связанное с предстоящим одиночеством. Алла действительно не давала ему проходу, может быть даже из хороших побуждений, желая помочь ему по хозяйству или чем-то смягчить его одиночество. Но Иван при этом постоянно чувствовал вину перед ней за то, что он не мог ей дать, чего она в действительности хотела. И вот прошлой ночью она достигла своего. Кажется, она осталась довольна. В общем-то, и он не в накладе. Неожиданно для него Алла раскрылась с такой стороны, что доставила ему массу наслаждений: не навязчиво и скромно она старалась сделать так, чтобы Ивану было хорошо с ней, как будто бы она несла ответственность за свою инициативу быть его любовницей. Как бы там ни было, все это теперь в прошлом, от того и чувство облегчения, посетило Ивана.

Однако пора вставать. Иван вспомнил, что сегодня он приглашен к Саиду на плов в честь выздоровления его жены, которая две недели назад получила случайное ранение в мягкое место. Алла занималась полосканием белья и развешиванием его на балконе. Иван умылся, выпил чаю с бутербродами с сыром и тоже решил заняться стиркой. Он все делал сам: стирал белые сорочки, простыни и наволочки, белье. И гладил все это он тоже сам. Ведь он был один, без жены и пошел на эти неудобства и испытания вполне добровольно, хотя еще тогда, в Москве не думал, что все это так непросто. Без стиральной машинки, с горячей водой лишь один день в неделю, в присутствии посторонних людей, чужой женщины. Впрочем, последнее обстоятельство было не совсем к месту. Во-первых, назвать Аллу чужой теперь как-то язык не поворачивается, а во-вторых, на днях они освободят эту квартиру, и Иван останется здесь один, без постороннего внимательного глаза. Это прибавило ему силы и улучшило настроение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.